Цена 3 фр. № 7 Prix 3 frs

НАШЕ СЛОВО

Орган Республикакско-Демократического Об'единения

СОДЕРЖАНИЕ №7:

ПАРИЖ

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

НАШЕ СЛОВО

« NOTRE PAROLE »

Редакция: 78, rue de Lourmel, Paris (15e)

Revue trimestrielle Organe de l'Union Républicaine-Démocratique Russe

№ 7 Январь 1937 г.

П. МИЛЮКОВ

Международное положение перед 1937 г.

В области международной политики 1936-ой год представляет любопытный контраст с 1935-ым. Оба года наполнены одинаковой борьбой демократической части Европы против германского наступления, явственно обозначившегося со времени вступления во власть Гитлера в 1933 году. Но тогда как 1935-ый год в первой своей половине представлял шаг вперед в процессе организации Европы против германских захватов, а во второй половине проявлял слабость в самых основах противогерманского об'единения, 1936-ой год, напротив, в первой своей части несет печальные последствия этой слабости, а к концу, под угрозой гибельных результатов раз'единенности Европы, обнаруживает некоторую тенденцию к об'единению,—тенденцию, уже считающуюся с уроками испытанных неудач. Именно, в виду этой необходимости исходить в отчетном году из вновь сложившегося в 1936 г. крайне тяжелого положения — было бы неверно просто характеризовать отмеченный контраст таким образом: 1935 год — плюс в начале, минус в конце; 1936 г. — минус в начале, плюс в конце. Мы имеем дело, к сожалению, не с зигзагообразной линией высокого и низкого давления, а с одной линией, постоянно падающей, но падение которой от времени до времени ограничивается и даже заменяется некоторым повышением, после приемов дипломатического доппинга, не доходя, однако же, до нормального уровня. Окончательного исхода европейского заболевания такая картина отнюдь не предрешает; но как при всякой затягивающейся болезни, ее длительность грозит постепенным ослаблением всего организма.

Если под эту медицинскую параллель подставить конкретные дипломатические факты, то главным моментом дипломатического пароксизма 1936 года нужно будет признать 7 марта этого года. В этот день Гитлер, испытав предварительно слабость реакций Европы на свои «ревизионистские» сюрпризы, подарил европейскую демократию последним — и самым грозным из этих «совершившихся фактов» — формальным разрывом Локарнского договора путем занятия, вопреки прямому требованию этого договора, демилитаризованной зоны между Францией и Германией.

Нужно только вспомнить, что это значило, чтобы понять, что тут была проведена какая то глубокая черта между двумя периодами европейской дипломатии. Вплоть до 7 марта 1936 года эта дипломатия ставила себе главной задачей — распространить на восточные границы Германии тот же режим мира, который казался достигнутым на ее западной границе. Если бы это удалось, то можно было бы считать всю Европу замиренной,в рамках Лиги Наций, на более или менее продолжительный срок. Английские мечты о всеобщей безопасности, о возвращении блудного германского сына в лоно Женевы, о наступлении, наконец, эры всеобщего разоружения могли бы приблизиться к осуществлению. Но все это не только не удалось. Одна попытка приблизиться к этой вожделенной цели сразу повысила нервность Германии до крайних пределов. Гитлер уже в речи 31 мая 1935 г. заявил, что задуманные демократической Европой договоры о «взаимной поддержке» (assistance mutuelle) с его точки зрения ничем не отличаются от старых военных союзом — и это создаваемое таким путем положение делает для него «крайне затруднительным соблюдение демилитаризованной зоны». Так, сюрприз 7 марта 1936 г. был уже намечен и открыто предсказан десятью месяцами раньше. Как известно, перед гитлеровской угрозой европейские державы сразу отступили. Вместо общего европейского пакта, о каком мечтали англичане, вместо сокращенного «Восточного пакта», одна Франция вместе с Чехословакией решилась, не без колебаний, заключить договор с советской Россией, Но Гитлер тотчас же заявил, что и этот договор противоречит Локарнскому. Несмотря на все усилия Франции путем охолощения пакта устранить из него всякую тень противоречия, несмотря на соединенные попытки Франции, Англии, Бельгии и Италии убедить Гитлера, что в таком тексте никакого противоречия с Локарно не остается, Гитлер отказался разговаривать дальше и воспользовался датой ратификации франко-советского договора (27 февраля 1936 г.), чтобы осуществить свою угрозу. Он таким образом разорвал единственную хрупкую связь, гарантировавшую мир хотя бы для одной только Западной Европы. Седьмым марта 1936 г. Европа была, в сущности, от-

брошена к положению до Версальского «диктата». Надо было теперь все начинать сначала.

Как же ответила дипломатия демократических держав на эту катастрофическую перемену? Все ждали, что наиболее затронутая занятием прирейнской зоны Франция ответит немедленной мобилизацией армии. Этого ждали — и боялись — даже генералы Гитлера — и тщетно отговаривали его от рискованного шага. Но... риск удался! Не только не было сделано никакого военного жеста, но, при помощи дипломатии Идена, был намеренно пропущен психологический момент всеобщего напряженного ожидания. Дело ограничилось язвительными вопросами Фландена и Идена об истинных намерениях Германии, на которые Германия предпочла просто не ответить, — так как ответить на них — значило бы признать себя виноватой в нарушении общего кодекса европейского международного права. В полном противоречии с этим принципиальным отрицанием правовой точки зрения в Берлине, Англия усиленно старалась завлечь Германию на какую-нибудь новую европейскую конференцию, чтобы, вместо разорванного «клочка бумаги», принудить Германию подписать какой-то другой «локарнский» договор. Германия молчала и тянула, а, соглашаясь, ставила неприемлемые условия, — пока наконец не сказались последствия унизительной ноты, принятой дипломатией демократических великих держав перед ломающимся канцлером. Сама по себе, такая поза должна была свидетельствовать о слабости и придать самоуверенности противнику. Нельзя было не сделать вывода, что там, где есть уверенность в себе, там есть и сила. А там, где сила, туда льнут слабые. Воздержание Франции от мобилизации могло быть доказательством не ее слабости, а ее миролюбия. Но в атмосфере германских «проб силы» (Kraftproben) было не до примирительных толкований. «Сила» выступала во всеоружии полной свободы от каких бы то ни было морально - правовых сдержек. Это было другое мировоззрение, — другой уровень культуры. С такой «силой» идеология миролюбцев была бессильна; даже таким пацифистам, как Норман Энджель, приходилось убедиться в необходимости действовать равным оружием. Такова была новая проблема, ставшая во всей своей обнаженности перед Европой после 7-го марта.

Переход от «климата» Женевы к этим веяниям сурового «Норда» был слишком резок. Немудрено, что проблема приспособления к новому положению была усвоена далеко не сразу. Можно, пожалуй, даже сказать, что она не вполне усвоена даже и в последние дни кончающегося года. Тем не менее, есть очевидные признаки, что наличность нависшей угрозы в общем признана, и что первые шаги приспособления к новому положению уже совершаются в наши дни. В этом и заключается отмеченный выше плюс. Но как далеко пойдут эти приспособления, предсказать в данную минуту еще невозможно.

Я едва ли ошибусь, если скажу, что первой формой приспособления, в особенности, среди слабых, была мысль о **перестраховке.** Вначале — именно **только мысль;** но она, несомненно, уже принята к руководству. Стало ходячей фразой, что падение «престижа» Франции после 7 - го марта ослабило связь с нею ее союзников. Таково, в особенности, положение Малой Антанты. На последнем с'езде в Братиславе члены Малой Антанты прямо заявили, что потеряли уверенность в возможности общего регулирования европейской безопасности; что организацию мира на западе Европы они считают «частичной» и «недостаточной для гарантии мира в Европе» и что они «решили сделать самостоятельный шаг» к более тесному сближению между собой, предоставив притом друг другу «поддерживать добрые отношения с государствами, с которыми им удалось установить таковые». Но наиболее ярко падение доверия к Франции выразилось в формальном возвращении Бельгии от локарнского союза к довоенному нейтралитету. 14 октября 1936 г. бельгийский король заявил: «мы должны вести политику исключительно бельгийскую и поставить себя вне конфликтов соседей». Бельгия обнажила, таким образом, французскую границу и перестраховалась со стороны Англии.

Расхождения среди великих «локарнских» держав вполне оправдывали эти меры предосторожности. Антиитальянские «санкции» Лиги Наций, вызванные настойчивостью Англии по поводу итало-эфиопского конфликта, удалось кое-как уладить; но все же Италия отодвинулась от Англии, ставшей ее главным и скрытым соперником на Средиземном море. Она отдалилась от Франции, несмотря на усилия последней сохранить ее дружбу. После того Муссолини, в сообществе с Гитлером, принялся энергично за созидание того «блока», который он назвал «осью между Римом и Берлином». Венгрия и Австрия были втянуты в эту орбиту; усилились попытки отвлечь от Малой Антанты Югославию и ориентировать в том же направлении бездейственную Балканскую Антанту. Все это еще далеко от полного оформления; но австро - германское соглашение 11 июля 1936 года, которым признана полная независимость Австрии под условием — считать себя «германским государством», составляет несомненный успех в этой итало-германской игре.

Очень своеобразно повел себя в этом калейдоскопе меняющихся настроений и ориентировок СССР. За истекший год его влияние в Европе, несомненно, потерпело сильный ущерб. Франко - советский пакт и позиция СССР в Лиге Наций не только не оказались прочной опорой, но даже послужили источником ряда разочарований для советской дипломатии. При падении престижа Франции и при современном внутреннем состоянии ее — ей была поставлена в вину и ее близкая связь с коммунистами. Нюренбергская речь Гитлера, как и его последнее «идейное» соглашение с Японией «против коммунизма» могли, конечно, сыграть роль дипломатической дымовой завесы, за которой трудно было бы угадать истинные намерения политики Гитлера. Но

отход Бельгии от союза с Францией уже прямо мотивировался недовольством, какое распространено в этой соседней стране против советофильской политики союзника, ставшего ненадежным. Из государств Малой Антанты два — Югославия и Румыния продолжают на том же основании упорно отказываться от сближения с СССР, предоставляя эту роль своему третьему сочлену — Чехословакии. Внутри самой Франции союз с советами далеко не находит общего одобрения. При таких условиях, что должна была делать советская дипломатия? Она с своей стороны переменила кулисы и готовится поставить новую декорацию. Литвинов отведен в запас, во вторые ряды, с своей политикой сближения с «капиталистическим» миром; на смену выдвинут — слегка — призрак Коминтерна, давно переставшего играть роль в старой советской идеологии, но не потерявшего значения в качестве экспорта. И эта перемена, имеющая очевидною целью показать, чем может грозить Европе пренебрежение к удельному весу СССР, как будто, уже вернула советской дипломатии часть потерянного ею значения.

Общая картина международного положения зависит, конечно, не столько от этих частичных перемен в политике второстепенных факторов, сколько от ориентации самих так наз. «великих держав», Франции и Англии, с одной стороны, Германии и Италии, с другой. И вот, начинают проявляться признаки, что в этих основных своих чертах, картина также не остается неподвижной. Потребность в «перестраховках», овладевающая малыми, начинает чувствоваться и среди больших. Одну черту можно здесь отметить уже сейчас, как основную причину возможных перемен в будущем. Это-то обстоятельство, что после наметившегося соревнования Англии с Италией на Средиземном море и после формального соглашения Германии с Японией международная политика раздвигает тесные европейские рамки и становится всемирной. Ближайшим поводом к этой перемене является поставленный на очередь Германией вопрос о колониях. Речь идет уже не столько о возвращении ей ее старых колоний, которые, кроме дефицита, ничего не давали, а о приобретении других, более богатых сырьем, — хотя бы, на первый раз, в форме раздела сфер экономического влияния. Такой раздел, видимо, намечен на Дальнем Востоке, в районе Тихоокеанских отношений, и Соединенные Штаты уже встрепенулись в виду появления нового конкуррента. Перед такими перспективами планы « Майн Кампф » Гитлера и фантастические рассчеты на колонизацию Украины, очевидно, должны сильно потерять в актуальности, когда на горизонте уже вырисовывается вечный соперник, при постановке на очередь мировых задач: Великобритания. Два флота, которые спешно строятся — один в Англии, другой в Германии, должны рано или поздно встретиться не особенно дружелюбно. И снова должно возникнуть — если уже не возникло — то самое настроение, которое во время последней мировой войны продиктовало немцам их знаменитый припев Gott strafe England! С другой стороны и Англии приходится бросить рассчеты на восстановление европейского равновесия при помощи Германии, которую до сих пор она считала слабейшей стороной и, как таковая, заслуживающей очередной поддержки против сильнейшей (Франции). Чашки весов перемещаются в обратном направлении, и речи Идена начинают сильно не нравиться в Берлине, тогда как с Францией открывается у Англии период тесной, безоблачной дружбы. Перестраховка последних дней — в сторону сближения Англии и Франции с Италией — лишь прибавляет новую черту к обрисовке специального англо - германского антагонизма. Гитлер приобретает новое право на благодарность со стороны об'единяющейся против него, уже «в мировом масштабе» Европы.

Таков сложный переплет международных отношений к началу 1937 г. Предсказания здесь еще труднее, чем прежде — именно в виду множественности целей и перестановки ближайших задач. И на обычный вопрос не о том, будет ли война, а лишь о том, когда и где она начнется — можно дать лишь один успокоительный ответ. Если верно, что меняются цели, что в дополнение к сложившимся связям идет целая система перестраховок, — причем неизвестно, до каких пределов они дойдут, то тем самым задачи, которые считались ближайшими и очередными, должны уступить место менее очередным, дальнейшим. И все же, против сюрпризов Европа, попрежнему, не обеспечена. Если всего несколько недель тому назад из достоверного источника мы получили известие, что грозило немедленное нападение Германии на Чехословакию, едва предупрежденное настойчивыми представлениями германских генералов, то что можно сказать о подобных же возможностях в будущем, быть может и в ближайшем? Разумный расчет диктовал бы благоприятный прогноз. Но кто теперь верит в разумные расчеты?

П. Милюков.

Идея демократии жива, и в ней — в ее цельном виде — уже не мы одни, а перестрадавшие массы начинают сами видеть свое спасение.

П. Н. Милюков.

А. АЛЕКСАНДРОВ

Россия к концу 1936 г.

Лицо России к концу 1936 года существенно иное, чем несколько лет тому назад. С 1929 г., момента проведения первой пятилетки, началась «эпоха» Сталина; эпоха пестрая и противоречивая. Сталинский период революции не есть цельный законченный кусок истории, в нем происходили приливы и отливы. События последнего времени особенно бурны и стремительны. Сейчас уже стало общедоступным труизмом говорить о коренной эволюции, происходящей на родине. Постараемся ближе подойти к России сегоднешнего дня и в общих линиях наметить совершающиеся изменения. В какую сторону движется жизнь и едва поспевающая за ней власть?

Время от времени необходимо подвергать проверке и экзамену установившиеся понятия и воззрения. Небезынтересно задаться вопросом: выдержали ли испытание времени наши общие точки зрения, в частности, наша тактическая установка, как она формулирована в тактических тезисах 1926 года, и социально - экономические программные положения 1932 года.

В небольшой статье невозможно подробно и последовательно проанализировать все проявления жизненного процесса.

Подведем лишь главнейшие итоги.

Возьмем сначала область хозяйства. Здесь нужно провести грань между сельским хозяйством и промышленностью. Перемены значительны и важны как раз в сельском хозяйстве. Исходная точка коллективизации формулирована в «проекте общих начал о землеустройстве и землепользовании», принятом на 4-ой сессии ЦИК-а IV созыва 3-15 декабря 1928 г., § 7 которого установил, что землю можно получить путем вступления в одно из существующих об'единений землепользователей или образования новых землепользований, и § 10 — гласил, что земля предоставляется в трудовое землепользование **без установления наперед определенного срока.** Это постановление аннулировало земельный кодекс 1922 г. и открыло дорогу к массовой насильственной коллективизации. Новый порядок вещей был закреплен в уставе сельско-хозяйственной артели 2 мая 1930 года, который обобществлял весь рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, **весь** товарно-продуктивный скот и т. д.

Результаты этой доктринерской жестокой политики не заставили себя долго ждать. Наступил тяжкий кризис сельского хозяйства, сопровождавшийся голодом и волнениями. Власть быстро пошла на уступки, начав с знаменитого постановления об «индивидуальной» корове и колхозном базаре (7 мая 1932 года). Не будем останавливаться на отдельных этапах отступления. Отметим только, что устав сельско-хозяйств. артели 17 февраля 1935 года устанавливает принцип «бессрочного пользования, т. е. навечно» землею за артелью. Причем, для прочности, как подчеркивает устав, выдается соответствующий документ — государственный акт на бессрочное пользование.

Объ этом говорят § 7 и § 8 новой конституции. Здесь отчетливо закреплена уступка непобедимой частно-хозяйственной стихии крестьянства. Общеизвестен необычайный рост приусадебного хозяйства и частного животноводства колхозников. Значительно возросла роль колхозных базаров (обороты поднялись с 8 миллиардов в 1932 г. до 14,5 миллиардов в 1935 г.).

В последнее время один за другим сыплются постановления о прирезках земель к колхозам от совхозов. Таким образом, тенденция в области сельского хозяйства ясна и не подлежит спору: в существующую колхозную систему вводится ряд смягчений, усиливается значение частно - хозяйственного начала. Совершенно очевидно, что жизнь требует дальнейшего раскрепощения хозяйства и признания принципа **добровольности** в артельном ведении хозяйства, — того начала, которое положено в основу аграрной программы РДО.

Что касается юридического режима промышленности, то тут никаких изменений не приходится отмечать. Система государственного капитализма не претерпела никакой эволюции. Реформы в этой области носят внутренний технический характер и не затрагивают самой структуры промышленного хозяйства.

Нужно, однако, отметить, что выдвигание на первый план принципа рентабельности, почти повсеместное введение прогрессивной сдельщины и меры по усилению дисциплины труда приближают отдельную «социалистическую» фабрику к обычному капиталистическому предприятию с той разницей, что, в противоположность пролетариату в капиталистических странах, сов. рабочий совершенно лишен средств защиты от беспощадной эксплоатации жестокого капиталиста — государства.

Власть цепко держится за монополию хозяйствования, которая необычайно усиливает ее мощь и облегчает ей задачу политического подавления населения. Проект новой конституции никаких перемен тут не предусматривает, статья 4 гласит: «экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйствования и социалистическая собственность на орудия и средства производства» и т. д., а статья 5 уточняет, что, если в отношении сельского хозяйства существует форма «кооперативно - колхозной собственности», то в области промышленности допускается лишь форма интегральной «государственной собственности».

Нам думается, что в этой сфере пути дальнейшей эволюции заказаны, раскрепощение промышленного хозяйства должно неизбежно потребовать перестройки всего здания советского государства и вряд ли мыслимо без радикального изменения основ политического строя.

Особенно грандиозны, однако же, сдвиги в той области, которая не зависит в прямом и непосредственном смысле от существенных и принципіальных устоев крепостного советского режима — в области культурно - бытовой. Простое перечисление всех уступок населению в этой сфере потребовало бы огромной статьи. Здесь, говоря в двух словах, наблюдается возвращение к здравому смыслу, к освященному традицией старому быту. Напомним культивирование начал здоровой семьи, поэтическую реставрацию рождественской елки и т. д. и т. д. Грозное международное положение заставляет всячески подогревать патриотические чувства. Отсюда все более громко звучащие мотивы национальной гордости, связанные с частичным признанием ценности прошлого. В качестве одной из иллюстраций можно привести конфуз, приключившийся с придворным бардом Демьяном Бедным. Его трактовка русской истории в переделке «Богатырей» Бородина вызвала резкую отповедь со стороны советской цензуры. Необычайно характерна мотивировка постановления Комитета искусств, снявшего с репертуара этот пасквиль. В нем крещение Руси признается положительным явлением, пусть только в условно - историческом смысле. Тон делает музыку. И вот тон этой резолюции так далек от казенного лозунга — «религия — опиум народа». Сейчас срочно приказано «реабилитировать» былины. А композитору Астафьеву дан заказ в ударном порядке состряпать «народно - патриотическую» оперу... «Минин и Пожарский». Недавно в «Известиях» с недоумением было констатировано, что московкий университет, основанный М. В. Ломоносовым, носит имя проф. М. Покровского.

Нужно с уважением относиться к прошлому, которое является неот'емлемой частью народной души, — поучает сов. печать.

Какая прекрасная и... элементарная мысль! Но нужно быть последовательным: не пора ли сдать в архив все эти анти - исторические переименования в Ленинграды, Сталинграды, Куйбышевы и т. д.

Заметим, однако, что законные чувства собственного национального достоинства переходят сплошь и рядом в вульгарное бахвальство, в старинное «шапками закидаем», в тупое самодовольство, соединенное с презрительным игнорированием того, что делается у культурных соседей. Этот неприятный провинциализм поразил, между прочим, разочаровавшегося в советском коммунизме Андрэ Жида.

О сдвигах в этой области можно было бы писать без конца. Намеченная нами в самых общих чертах эволюция быта вплотную подводит нас к **политической** проблеме, ибо столь существенные метаморфозы в быте и мироощущении, в самом стиле жизни, уже сами по себе являются фактами политического значения и им не могли не сопутствовать политические перемены.

В чем заключается процесс политического перерождения диктатуры? Нам кажется, что политическая эволюция за последние годы шла в двух направлениях: происходило усиление **личной диктатуры** Сталина, одновременно с обожествлением «гениального вождя народов» и расширение базы диктатуры с параллельным ослаблением роли компартии.

Любой номер советской газеты свидетельствует, до каких фантастических пределов дошла прижизненная канонизация вождя. Малейшее проявление жизни связывается с легендарной личностью Сталина. Любое достижение науки, техники обязано всеоб'емлющей гениальности «отца и друга», «вождя народов» и проч. и проч. Номер «Правды» от 25 ноября побил все рекорды пресмыкательства: «на трибуну чрезвычайного VIII с'езда советов взойдет тов. Сталин — гений нового мира, мудрейший человек эпохи, великий вождь коммунизма», крупным шрифтом пишет казенная рептилия. А председатель Совнаркома Украины г. Любченко сочинил такую «народную» поговорку: «Стільки в Дніпра сивого тай води нема, скільки є у Сталіна світлого ума».

Партия, как политически-мыслящий коллектив, могла явиться серьезной помехой в утверждении личной бесконтрольной власти Сталина, который поэтому издавна повел против нее борьбу. Партия утратила самостоятельное значение и превратилась в органическую часть советского бюрократического аппарата. Тем самым бесконечно уменьшился **общественный** вес партии. Стало совершенно недостаточно опираться на подгнившие подпорки когда-то живого и крепкого партийного аппарата. Живые, нарождающиеся силы страны зреют и накапливаются в стороне от оффициальной коммунистической партии. Власть почувствовала потребность укрепить свое положение — и в этом решающую роль сыграл приход к власти Гитлера в январе 1933 года, о чем свидетельствует хронологическое сопоставление направленных в сторону народа примирительных актов правительства. Укажем на некоторые из них.

В апреле 1934 года издается декрет о «героях Советского Союза», 2 мая 1934 года Сталин произносит свой знаменитый тост о «непартийных большевиках», а 16 ноября на с'езде стахановцев Сталин проводит взгляд, резко отходящий от первоначального ультра - классового духа коммунизма — «сын за отца не отвечает». Далее, новая конституция устраняет существовавшее в системе косвенных выборов неравенство в представительстве разных слоев населения. Отныне путем прямых выборов 800 тысяч избирателей посылают в совет союза одного депутата (ст. 34). Статья 136 предоставляет активное и пассивное избирательное право всем гражданам, «независимо от национальной принадлежности, вероисповедания, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности». Тем самым уничтожается категория т. наз. лишенцев.

Разговоры об уже построенном бесклассовом обществе также свидетельствуют о потухании «классовой бдительности».

В то же самое время на партию следовал удар за ударом (разгром общества старых большевиков, бесконечные чистки и т. п.). И, наконец, разыгрался страшный для нее августовский процесс Каменева, Зиновьева и др. Этому важному моменту развития революции посвящена отдельная статья в нашем журнале. Нельзя не согласиться с Абрамовичем, что эти расстрелы знаменуют «последний этап эмансипации Сталина от партии». Если Дан видит в этом явлении «преступление перед революцией», то мы усматриваем в нем (оставляя в стороне вопрос о морально - недопустимых формах) новый этап по пути к раскрепощению России — сдаче в архив мертвящей доктрины обанкротившегося коммунизма.

Советский режим построен и держится на принуждении и терроре. Но социальная природа жертв советского Молоха также указывает на новую политическую ориентацию власти. Вспомним недавнее прошлое. Когда нужно было об'яснить и оправдать прорывы на разных хозяйственных фронтах, ГПУ хватало ни в чем неповинных спецов и совершало жертвоприношения: май 1929 — казнь несчастных фон-Мекка, Величко и Палчинского, сентябрь 1930 г. — сообщение ГПУ о раскрытой контрреволюционной вредительской организации в снабжении населения важнейшими продуктами питания, ноябрь - декабрь 1930 г. — процесс так наз. «торгпрома», март 1931 — процесс меньшевиков и т. д.

Террор не касался привилегированного правящего сословия — борьба внутри него носила семейный бескровный характер. Расстрел 16-ти положил конец этой привилегии партийцев. Этот смысл можно найти и в проекте новой конституции — при полном сохранении неподлежащей оспариванию всесильной власти диктатора, населению дается некоторая возможность защищаться от произвола сталинских слуг и среди последних производить известную «селекцию» лучших. Так об'яснил сам творец конституции ее политический смысл в беседе с Рой-Говардом.

Происходит процесс «деполитизации» партии и «декоммунизации» официальной России. Для власти опаснее всех лица, политически мыслящие. Старые партийцы, носители в прошлом коммунистического идеала, — на подозрении. От советских граждан требуются две вещи: верность вождю и работа по-стахановски. Все остальное от лукавого. Чкалов и другие, совершившие беспримерный авиационный подвиг, герои, в качестве награды получают... 35 тысяч рублей наличными (дух времени!) и... партийный билет. Раньше на ответственные посты ставили за партийные заслуги, а сейчас выдвинувшихся на строительстве работников привлекают в партию. Стахановцы, знатные люди, облагодетельствованные властью — вот желанный элемент в компартии, они «дискуссий» устраивать не будут. На этих же началах перестраивается комсомол. Новый устав ВЛКСМ, принятый на апрельском с'езде, определяет комсомол, как «массовую **беспартийную** организацию, об'единяющую в своих рядах широкие слои передовой, политически грамотной трудящейся молодежи города и деревни». В передовой статье от 22 апреля, посвященной с'езду, «Известия» пишут: «весь свой пафос, всю свою героику ленинский комсомол должен направить на учебу, на идейное воспитание молодежи, на изучение революционной теории, помня, что без учебы нельзя строить коммунизм». Хотя ударение делается на учебе, однако, борьба за коммунизм, как конечная цель, не оставляется.

При всей значительности совершающейся эволюции нельзя не заметить пределов, в которые она упирается. На них указал сам Сталин в своей речи на VIII с'езде: «проект конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение ком. партии». Конечно, на самом деле речь идет о сохранении в неприкосновенности самодержавия Сталина, прикрытого полинявшим знаменем коммунизма.

С другой стороны, в какое бы отдаленное будущее сталинская теория «социализма в одной стране» ни отодвигало осуществление мировой революции, как бы бледно и тускло в данный момент ни звучали ноты «Интернационала», эта тема окончательно не отброшена. В лозунгах, опубликованных ЦК партии к 1 мая 1936 г., мы встречаем, как и прежде, призывы: «Да здравствует мировая социалистическая революция», «Пролетарии и крестьяне всего мира! Идите по пути рабочих и крестьян Сов. Союза! Долой фашизм, долой капитализм! Да здравствует сов. власть во всем мире». И новая конституция предусматривает возможность «принятия в состав СССР новых республик» (ст. 14, пункт в).

Иначе пришлось бы говорить, как отмечает П. Н. Милюков, не об эволюции, а о «мутации», т. е. о полном перерождении, переходе одного социально-политического вида в другой. Это «двоедушие» диктатуры отчетливо проявилось в поворотах международной политики. Напомним исходную позицию большевизма, как она закреплена на VII с'езде партии в 1918 году в пору радужных надежд и иллюзий — «первейшей и основной задачей и нашей партии и всего авангарда сознательного пролетариата и советской власти, с'езд признает принятие мер к раз'яснению рабочим неизбежности исторического приближения России к освободительной отечественной социалистической войне» — преддверию мировой революции. В процессе эволюции от этой агрессивной политики ничего не осталось.

Советская власть пошла по линии признания сосуществования двух систем — социалистической и капиталистической. Сталинская национализация революции, заключающаяся в осуществлении социализма в одной России, облегчила перевод меж-

дународной политики на рельсы активного сотрудничества с буржуазно - капиталистическими странами Запада и Америки. Увенчанием этой политики, связанной с именем Литвинова, явилось вступление в Лигу Наций 18 сентября 1934 года. Троцкий меланхолически констатировал («Бюллетень оппозиции», январь 1935 года), что «Сталин надежду на мировую революцию заменил надеждами на Лигу Наций». «Иностранным компартиям приказано вести реалистическую политику». «Новейший зигзаг, особенно во Франции (очевидно, политика «Народного Фронта» — **А. А.**) представляет собою жалкую и гибельную оппортунистическую конвульсию». Не являемся ли мы в самое последнее время свидетелями отхода большевиков от единственно правильной — в интересах России, а не мировой революции — позиции лойяльного сотрудничества с мирными странами Запада и перехода на опасные пути «коминтерновской» тактики — подбрасывания своего поленца в очаги смуты. Мы имеем в виду легкомысленную перемену позиции в испанском вопросе, зафиксированную в письме самого Сталина («Правда», 16 окт. с. г.) — «трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь **революционным массам Испании»** и т. д. Будем надеяться, что правильное понимание подлинных интересов Сов. Союза, — хотя бы с точки зрения самосохранения власти, возьмет верх над соображениями «коммунистической чести».

Наш беглый обзор, думается, дает ответ на поставленный в начале статьи вопрос: правильна ли основная мысль тактических тезисов РДО 1926 года, о которой своевременно напомнил П. Н. Милюков в «Треугольном споре» — ставка на внутренние процессы, на признание положительного смысла за общим направлением развивающхися событий, при сохранении пафоса неприятия советской власти и борьбы с нею, и общий дух нашей социальной и пол... тической программы.

Россия выздоравливает. Напор жизненных сил заставляет власть торопиться с уступками, направленными в сторону раскрепощения страны. Основная тактическая линия РДО и его программа, возлагавшие надежды на живые силы борющегося с властью за свое освобождение народа, получили подтверждение в ходе событий. Но еще большой и длинный путь остается пройти, ибо только в свободной демократической России будут закреплены подлинные завоевания революции, отвечающие народным чаяниям и нуждам.

Однако, создавшаяся международная обстановка требует максимального ускорения темпов отступления. Сама природа власти, ее происхождение, и не устранимая давностью двусмысленность являются серьезной помехой для безболезненной ликвидации затянувшегося революционного процесса Остается под знаком вопроса — удастся ли нынешнему всаднику, при всей его ловкости и оппортунизме, удержаться в седле бушующей стихии и не будет ли он выброшен из него, как отработанный продукт истории.

Александр Александров.

В. ПОПОВ

Новая советская конституция

Чрезвычайный VIII Всесоюзный с'езд советов в заседании 5 декабря с. г. принял новую конституцию СССР и поручил ЦИК-у СССР на основе этой конституции разработать и утвердить положение о выборах, а также установить сроки выборов Верховного совета СССР. В связи с принятием новой конституции в ближайшее время должны выработать новые конституции и входящие в СССР союзные республики.

Исчерпывающий анализ произведенной реформы, само собой разумеется, будет возможен лишь после выполнения ЦИК-ом СССР данного ему Чрезвычайным с'ездом поручения, но уже теперь, на основании текста принятой новой конституции СССР, мы можем констатировать, что существующий ныне режим диктатуры остается непоколебленным и правящая Россией власть намерена и впредь действовать мерами принуждения по отношению ко всем инакомыслящим, или, как формулировал Крыленко, ко всем, не идущим с властью в ногу.

Из сделанного Чрезвычайному с'езду доклада творца новой конституции видно, что эта конституция не имеет характера ни программы, ни декларации будущего, а «представляет собой итог пройденного пути, итог уже добытых завоеваний, является регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле».

Сам Сталин предусмотрительно заявил, что новая конституция оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как и сохраняет без изменения нынешнее руководство коммунистической партией СССР. Если она и расширяет базу диктатуры, то лишь в сторону превращения диктатуры в более гибкую и, стало быть, более мощную систему государственного руководства обществом.

Речь Сталина невольно вызывает в памяти знаменитую фразу царского министра: «Так было, так будет!»

Однако, если система диктатуры в России остается непоколебленной, то формы советского властвования новой конституцией меняются.

Первой и чрезвычайно важной из этих перемен является ликвидация в СССР советской системы, той новой формы демократии, которой так гордились все 19 лет советские правители и государствоведы. Ст. 2 новой конституции, хотя и говорит, что политическую основу СССР составляют советы депутатов, но это уже не те советы, которые знала Россия во время всех лет большевистского господства. Прежние советы представляли собой совершенно своеобразную стройную и органически связанную систему, в которой с'езды советов низших ступеней последовательно избирали депутатов высших ступеней вплоть до самого «державного хозяина советского союза — Всесоюзного с'езда советов». Идея многостепенного советского представительства находила себе защитников и среди антибольшевиков (вспомним лозунг кронштадского восстания «советы без коммунистов») и среди эмиграции. Особенно ею увлекались младороссы, провозгласившие — «Царь и советы», и всякого рода пореволюционные течения: новоградцы, евразийцы и т. п.

Прежние советы ныне упразднены самой советской властью. Иерархическая органическая связь советов между собой уничтожена и под старым названием созданы учреждения обычного европейского типа. О будущей роли советов мы сможем окончательно высказаться лишь после принятия союзными республиками их новых конституций, но уж и сейчас, на основании положений принятой конституции, можно сказать, что Верховные советы СССР и союзных республик будут общесоюзными местными (вроде прежних Рейхстага и ландтагов) законодательными учреждениями, а советы низших категорий будут хорошо знакомыми органами местного самоуправления, но лишь с несколько расширенной компетенцией. Ныне для названия СССР **советским** государством оснований не имеется, и, как правильно на то указывают эмигранты и слева (М. В. Вишняк) и справа (С. И. Варшавский) из СССР второе «С» следовало бы вовсе выкинуть.

Второй важной реформой новой конституции является попытка покончить с практиковавшимся доселе смешением властей. Отныне законодательная власть принадлежит только Верховному совету СССР и, в пределах весьма ограниченной компетенции, Верховным советам союзных республик. Никакие другие учреждения и органы впредь не имеют права на законодательство. Исключения не сделано даже для периодов перерыва сессий или роспуска Верховных Советов. Президиуму Верховного совета СССР предоставлено право лишь **толкования, путем указов, действующих законов.**

Совету народных комиссаров дано право издавать лишь **постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов,** а народные комиссары могут давать в пределах компетенции соответствующих народных комиссариатов лишь **приказы и инструкции,** на основании и во исполнение действующих законов, а также постановлений и распоряжений Совета народных комиссаров.

Законодательной неразберихе, существовавшей до настоящего времени, кладется предел и функции законодательной и исполнительной власти ныне разграничены.

В области социально - экономической, которой посвящены статьи 4-12 новой конституции никаких нововведений не усматривается. Эти статьи лишь юридически закрепляют ранее сделанные уступки и оформляют существующее в настоящее время фактическое положение.

В разделе конституции, трактующем об основных правах и обязанностях граждан, обращает на себя внимание то, что гарантированные еще конституцией 1918 года свободы слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций, теперь гарантируются при условии, что этими свободами будут пользоваться лишь «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя».

Из нововведений этого раздела заслуживает быть отмечена статья 128-ая, гласящая, что «неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняться законом». Будет ли эта статья применяться на самом деле или окажется, как и статьи о свободе 1918 года, только «агитационным лозунгом», покажет будущее.

Исключительное по важности значение имеет раздел XI новой конституции, посвященный избирательной системе. Отныне все советы от хуторского до Верховного совета СССР будут избираться на основании всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Тем самым городской «пролетариат» теряет свое привилегированное положение. Избирать и быть избранным имеют одинаковое право все, достигшие 18 лет, граждане СССР, независимо от пола, от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности. Не участвуют в выборах лишь умалишенные и лица, осужденные судом с лишением избирательных прав.

Новое положение имело бы чрезвычайное значение, если бы не было ограничений, предусмотренных ст. ст. 126 и 141 новой конституции. Согласно тексту этих статей и раз'яснениям, данным советскими вождями, гражданам СССР предоставляется право об'единения в профессиональные союзы, кооперативные об'единения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, но не в политические партии. Единственное право на законное существование имеет одна коммунистическая партия, которая, как говорит новая конституция, «является передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющая руководящее ядро всех организа-

ций трудящихся, как общественных, так и государственных». Право выставления кандидатов на выборах предоставляется лишь общественным организациям и обществам трудящихся: коммунистическим партийным организациям, профессиональным союзам, кооперативам, организациям молодежи, культурным обществам.

Отныне население, если не сможет выставлять кандидатуры желательных ему лиц, то может проваливать любые выставленные кандидатуры. Результат выборов будет в значительной степени зависеть от избирательного закона, на основании которого эти выборы будут производиться, и, надо думать, он предусмотрит неприятные для власти случаи. Но если выборы будут производиться честно и без свойственных большевикам обезьяньих штучек, возможны самые неожиданные сюрпризы. Сам Сталин предсказывает, что всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти.

Теперь остановимся на роли коммунистической партии по новой конституции.

С нашей точки зрения, глубоко ошибаются те, которые считают, что статьи конституции, посвященные коммунистической партии, о которой в прежних конституциях не было ни слова, свидетельствуют об усилении роли и значения этой партии. Смысл нововведения совершенно иной. Оно сделано не для возвеличения этой партии, а для обоснования запрещения иных политических партий. Коммунистической партии этими статьями дается монополия на легальное существование. На деле конституция значительно умаляет принадлежавшие ранее компартии права. По новой конституции право выставления кандидатов на выборах обеспечивается не только за партией, но и за рядом советских общественных организаций. Выбор высших органов власти прежде находившийся в руках партии, так как она обладала абсолютным большинством во всех органах власти, начиная с областных и краевых с'ездов советов, теперь формально переходит к беспартийной избирательной массе.

Этому соответствует уже самая замена термина «пролетариат» общим термином «трудящиеся» и прибавление к двум классам трудящихся третьего — «интеллигенции».

Да о каком усилении компартии может быть речь, когда сама власть, сам Сталин в последние годы всячески колебали авторитет партии, обвиняя своих старых соратников в самых тягчайших преступлениях. Последнее время мы наблюдаем, как компартия постепенно теряет свое положение главной опоры существующей в России власти и как, мало по малу, ее место занимает новый класс нарождающегося привилегированного сословия - класса «знатных людей», оказавших и оказывающих большие услуги власти и за то властью облагодетельствованных и награжденных почетом, орденами и всякого рода материальными благами вплоть до крупных денежных наград. Если в коммунистической партии, как это мы видим из помещенной в этом номере статьи А. С. Михельсона - Александрова, все время таится внутренний враг, с которым нужно вести беспрерывную войну, то на новый отбор «знатных людей» власть может полагаться вполне. Они не выдадут. Их личное благополучие тесно связано с существованием нынешней власти.

Прибавим, что и сама коммунистическая партия в настоящее время не та, что прежде. Теперь для приема в партию требуется не верность коммунистическому учению основоположников коммунизма Маркса и Энгельса, а слепая безграничная преданность « гениальному вождю » и... выработка рекордных норм угля, металла, свеклы и т. п... Старая гвардия адептов коммунистического учения вытесняется дельцами — «знатными людьми». От прежней коммунистической партии осталась лишь одна вывеска и то только потому, что нынешним вождям еще зазорно признаться в перерождении партийной диктатуры в личную диктатуру самого вождя.

К какому же заключению следует придти после краткого анализа новой конституции? Конечно, это не то, что нужно народу, что может обеспечить ему на самом деле счастливую жизнь. Однако, при всех недостатках новой конституции не следует отрицать и ее положительных качеств. Прежде всего громадное значение имеет предоставление избирательного права всему населению. Оно сливает избирателей в общую массу и ликвидирует класс лишенцев, которые в советском государстве были на положении преследуемых и гонимых отовсюду парнев. Далее, населению дается возможность реальной борьбы с злоупотреблениями местных властей, тотъ хлыст, о котором в своей речи говорил Сталин. Несомненно оба эти мероприятия представляют какой то шаг к некоторому примирению власти с народом в минуту грозящей стране внешней опасности. Большое значение имеет и введение всеобщего, прямого, равного избирательного права и особенно тайного голосвания.

Жизнь быстро покажет, что могут значить все эти права при наличии целевых (« в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя»), а не подлинных политических свобод. Но раньше или позже народ этих свобод добьется, и в сталинскую речь будет внесен корректив: «Так было, но так не будет!»

В. Попов.

ОРУЖИЕ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ — СВОБОДНОЕ СЛОВО.

И. С. Аксаков.

А. МАРКОВ

« Бесклассовое » государство

Рабочие, крестьяне и советская власть.

На чрезвычайном с'езде советов 25 ноября 1936 года, созванном для обсуждения проекта новой конституции СССР, Сталин заявил: «Полная победа социалистической системы во всех сферах народного хозяйства является теперь фактом. Сообразно с этим изменилась и классовая структура нашего общества. Все эксплоататорские классы оказались ликвидированными. Остался рабочий класс. Остался класс крестьян». Но, по характеристике Сталина, рабочий класс в СССР совершенно новый, освобожденный от эксплоатации, рабочий класс, подобного которому не знала еще история человечества. Новым является и класс крестьянства, т. к. «наше крестьянство есть крестьянство, освобожденное от эксплоатаціи». Каковы отношения между этими классами? Сталин указывает, что грани между рабочим классом и крестьянством стираются и старая классовая исключительность исчезает. Противоречия между рабочим классом и крестьянством отпали, почему рабочие и крестьяне как бы сливаются в один класс и, т. к. в стране нет какого либо другого класса, противостоящего рабочим и крестьянам, то СССР, в изображении Сталина, превратился в бесклассовое общество.

Верно ли, что в СССР действительно существует такое общество?

Если под бесклассовым обществом разуметь такой социальный строй, при котором в стране не существует буржуазии, то тогда Сталин совершенно прав. Если же под бесклассовым обществом понимать такую его структуру, при которой вообще отсутствуют классовые интересы, то тогда о существовании в СССР бесклассового общества говорить не приходится. В СССР, несмотря на отсутствие буржуазии и так называемого кулачества, все же существуют классы, имеющие свои собственные интересы, не находящиеся в гармоническом сочетании с интересами нового государства. В этом мы убеждаемся, если рассмотрим отношения между советским государством и рабоче-крестьянским классом.

А) Советское государство перед всей страной выступает прежде всего, как предприниматель и торговец. Что из себя представляет советское государственное хозяйство? К началу 1936 года совершенно ликвидирована карточная система на все продовольственные и промышленные товары, а также было покончено с практикой оплаты заготовленного в деревне промышленного сырья товарами (хлопка, шерсти, льна, пеньки и т. д.). Такое положение обусловило, как говорится в народно - хозяйственном плане на 1936 г., развитие денежного хозяйства. Таким образом, советское государство производит в нынешних условиях денежного хозяйства товары, продаваемые населению. В советской экономической литературе полностью сохранились такие «капиталистические» термины, как «рынок», «торговля», «товар», «прибыль».

О том, как велика советская торговля, говорит следующая справка из Нар.-Хоз. Плана на 1936 год: «Фонды основных продовольственных продуктов, выделяемые государством для продажи на широкий рынок в 1935 г, дошли до следующих размеров (в тоннах): мука — 11,6 мил., мясопродуктов — 348 тыс., рыбы — 700 тыс., масла животного — 89 тыс., масла растительного и маргарина — 124,7 тыс., сахара — 652 тыс., кондитерских изделий — 566,3 тыс., яиц — 233 тыс. ящиков. Кроме продовольственных продуктов, на широкий рынок выпускается масса государственных промышленных товаров (ткани, обувь, металлические изделия широкого потребления, мебель, галантерея и т. д.). План розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли, говорится в плане на 1936 год, вместе с оборотом предприятий общественного питания, утвержден в размере 100 миллиардов рублей. Таким образом, государство является купцом, занимающим в стране почти монопольное положение.

Как действует это «государство - купец»? Отрицает ли оно в своих коммерческих операциях прибыль, т. е. ту цель, какая свойственна капиталистическим предприятиям? Нет, не только не отрицает, но требует, чтобы советские промышленные и торговые предприятия давали чистую прибыль. О прибыли, как о задаче советского хозяйства, говорится так же, как говорится об этом на собраниях акционеров капиталистических предприятий. В своем докладе по бюджету на 1936 год комиссар финансов Гринько заявил: «В расчетах бюджета на 1936 год мы исходим из того, что общая сумма прибылей в общественном хозяйстве СССР в 1936 году составит 11,3 миллиарда рублей». Говоря о сумме прибыли от различных отраслей хозяйства, комиссар финансов выражал недовольство скромной прибылью, получаемой от торговли: «не может не обратить на себя внимание также недостаточный размер прибылей государственной торговли и кооперации», и дальше: «Наиболее сильно растут, в связи с общим ростом производства, доходы от пищевой промышленности, легкой промышленности и тяжелой промышленности».

Не ставя здесь задачи установить размер прибылей, получаемых советским государством от его хозяйственно - торговых операций, мы ограничимся рядом примеров: заготовительная цена хлеба в среднем равняется за 1 пуд (16,6 килограммов) — 158 коп. Продажная же цена этого же количества хлеба в печеном виде равняется 1660 коп. (берем казенные цены за кило пшеничного хлеба для Московской области). Как мы видели, государство на рынок в 1935 году выпустило 11,6 милл. тонн муки. Легко себе

представить размер коммерческой прибыли советского государства - купца от продажи хлеба.

Заготовительная цена на гречиху — от 570 до 685 коп. за центнер. Продажная цена из государственных магазинов — 4300 коп. за центнер (для Московской области). Заготовительная цена на картофель — от 260 коп. за центнер, продажная цена — 2500 коп. за центнер (Московская область).

Из этих примеров видно, что советское государство должно получать прибыль от продажи самых необходимейших для населения продовольственных товаров. Оно действует, как настоящий купец, поставленный почти целиком в монопольное положение. И совершенно естественно, что у «бесклассового общества» должны быть претензии к этому государству, так дешево заготовляющему продовольственные продукты и так дорого продающему их не буржуазии и кулачеству, а пролетариату и вообще всему населению.

Таким образом, между государством и разными классами, покупающими государственные товары на государственном рынке, есть определенное противоречие, сущность которого ничем не отличается от противоречия между капиталистическим торговцем и потребителем любого капиталистического государства. Правда, продажа на государственном рынке происходит по установленным ценам. Но, во-первых, регулирование цен и даже установление твердых цен наблюдается и в капиталистических государствах, а во-вторых, установление твердых цен еще не означает установления низких цен, в чем мы убеждаемся из приведенных примеров.

Итак советское государство, принявшее на себя функции производителя и торговца, создавшее рынок и исключительно денежное хозяйство, стремящееся к получению прибыли, фактически заменило частного предпринимателя - купца, и между этим государством и бесклассовым потребителем неизбежно должны быть и существуют противоречия интересов. Прикрытие такого рода государственных операций флагом социализма отнюдь не изменяет фактического положения дел для настоящего, по крайней мере, времени.

Б) Советское государство выступает, как налогов взиматель. В этом отношении советское государство отличается от государств капиталистических только, может быть, тем, что оно пользуется необычайно тяжелой и грубой системой обложения граждан. Если не считаться с классификацией советских доходов, а исходить из природы поступлений, то в таком случае станет ясным, что советская фискальная система покоится на косвенном обложении. В самом деле, при общей сумме доходов по бюджету на 1936 год в 78,7 миллиардов рублей, 62 миллиарда поступают от налога на оборот, который зачислен в отдел доходов, именуемых «доходами обобществленного хозяйства». Главнейшими об'ектами обложения налогом на оборот являются следующие продукты массового потребления:

Хлебопродукты			
спирт	6,0	»	»
растительное масло	2,6	»	»
сахар	5,9	»	»
мясо	3,0	»	»
хлопок	4,2	»	»
нефть	4,6	»	»

Среди других доходов на сумму в 16 с лишним миллиардов рублей на долю налогов, которые можно считать прямыми (подоходный 48 миллионов рублей, сельско-хоз. — 1 миллиард с лишним рубл., сбор на нужды жилищного и культурного строительства — 1,4 миллиарда руб. и другие мелкие налоги), причитается 2,9 миллиарда рубл. Остающаяся сумма поступает от займов (3,9 миллиарда рубл.), от отчислений от прибылей в пользу бюджета (9,1 миллиарда рубл.), из средств государственного страхования, сберегательных касс и пр.

Нельзя никак сказать, чтобы такая фискальная система обложения, в которой исключительную роль играют доходы от обложения необходимейших предметов потребления, могла удовлетворить бесклассовое общество советского государства. И, во всяком случае, вся структура советского бюджета по своему типу является подобной структуре бюджета капиталистического государства. Старая мечта советской власти создать новый социалистический бюджет (такие попытки относятся к концу военного коммунизма), который представлял бы собою только совокупность оборотов материальных ценностей и совершенно обходился без налогов, эта мечта не сбылась. Разумеется, члены советского общества, построившего как-будто бы социализм, предпочли бы налогов не платить. Но они их платят, как платят граждане любого государства и платят с каждым годом все больше и больше.

Полезно здесь напомнить, что в программе коммунистической партии 1919 г. советская власть имела в виду после революции перейти к прогрессивному подоходному и поимущественному налогу, то так как этот налог должен был в социалистическом государстве пережить самого себя, то партия имела в виду покрывать государственные расходы доходами от различных государственных монополий (§§ 121-123 программы).

В) Государство выступает, как наниматель рабочей силы. По нар-хоз. плану на 1936 год общая численность рабочих и служащих, работающих в государственных предприятиях и учреждениях, исчисляется в 25,7 мил. человек. Эта огромная рабочая армия создает свое материальное благополучие за счет вознаграждения, получаемого от государства. Велико ли это вознаграждение?

По плану на 1936 год средняя заработная плата по народному хозяйству исчислена в 2464,5 рубля в год. Это многозначное число не должно вводить в заблуждение, ибо реально эта сумма представляет весьма скромную величину. К глубокому сожалению, советская статистика не дает сведений о реальной

заработной плате и о подлинной покупательной способности советского рубля в настоящее время. Но о реальном значении средней заработной платы мы можем судить по следующим данным.

Рабочий, получающий среднюю заработную плату в Москве, т. е. получающий в месяц 206 рублей, может купить в государственном магазине на эту сумму 242,3 кило ржаного хлеба (цена за кило 85 коп.). Это количество хлеба при переводе на довоенные меры равняется 582 фунтам. До войны фунт ржаного хлеба стоит 2,5 коп. Следовательно, переводя стоимость этого количества хлеба на довоенные цены в золоте, мы получаем сумму в 14,5 зол. рублей. Если бы рабочий с указанным заработком купил на свои деньги мяса (2 сорт в Москве стоит 6 рублей кило), то ему отпустили бы 34,3 кило. За них до войны рабочий бы заплатил 18,1 руб. Если бы рабочий на все деньги купил картофеля, то ему дали бы в государственном магазине 686 кило. За это количество картофеля до войны надо было заплатить 16 рублей. Рабочий мог бы купить за свои деньги 22,5 кило сливочного масла, но за это количество он заплатил бы до войны 14,4 рубля. Из этих сравнений видно, что средняя заработная плата, переведенная на золотое исчисление, представляет очень небольшую величину. Средняя заработная плата до войны равнялась 21,5 рубля в месяц. Тогда эта плата рабочих не удовлетворяла, они были недовольны предпринимателем, платящим такую низкую заработную плату и были недовольны капиталистическим правительством, пренебрегавшим интересами рабочего класса. Трудно думать, чтобы нынешний советский рабочий был бы удовлетворен своим материальным положением. Едва ли средний заработок может покрыть его потребности. Он должен прирабатывать путем дополнительного труда. Государство - капиталист ему идет навстречу. Оно ввело на предприятиях такую же систему оплаты труда, какая имеется на капиталистических предприятиях.

«Прогрессивная сдельщина, — читаем мы в нархоз. плане на 1936 год, — получила в 1935 году весьма широкое применение, как в условиях машинного труда, так и ручного». Но организация и оплата труда по принципу прогрессивной сдельщины, как раз наиболее приемлемы для частно - капиталистических предприятий. Прогрессивную сдельщину в свое время так горячо клеймил Карл Маркс, ибо с его точки зрения эта система зар. платы повышает степень эксплоатации труда. Больше того, в советской практике применяется и сверхурочная работа, о недопустимости которой говорится и в рабочей программе РСДРП 1903 года и повторяется в программе большевиков 1919 года.

Таким образом, между государством - капиталистом и рабочим классом в СССР возникают, по существу, такие же отношения, как и между частным предпринимателем и рабочим. Но при этом необходимо иметь в виду, что интересы рабочего класса в капиталистических государствах в той или иной степени охраняются государственной властью и профессиональными организациями рабочих. В СССР охрана интересов рабочих находится в руках государства - предпринимателя, не признающего свободы рабочих организаций и их права борьбы за свои интересы.

Г) Государство выступает, как монопольный приобретатель сельско - хозяйственных продуктов крестьянства. Для представления о размере заготовок, которые проводит государство в деревне, достаточно иметь в виду, что вся государственная промышленность, перерабатывающая сельскохозяйственное сырье, обеспечивается государственными заготовками этого сырья в деревне.

Так государством заготовлено: хлеба — 267, 5 милл. центн. (1935); скота (в живом весе) — 1 мил. тонн (1934); масла животного — 129,5 тыс. тонн (1934); шерсти — 42,3 тыс. тонн (1934); хлопка — свыше 5,4 мил. тонн (1935); льна-волокна — 312 тыс. тонн (1935); сахарной свеклы — в количестве для выработки около 23,5 милл. центн. сахара (1935).

Кроме того, заготовляются: кожевенное сырье, рыба, овощи, фураж, птица и т. п.

Разумеется, крестьянство могло бы быть весьма удовлетворено тем, что ему не приходится беспокоиться о сбыте своей продукции, т. к. в его распоряжении имеется рынок с покупателем-государством. Но по своим заготовкам государство не платит столько, сколько стоит продукт. Так, заготовительная цена на пшеницу стоит на уровне 153 коп. (для Северного Кавказа) за 16,6 кил. (пуд). Между тем на базаре 1 кило пшеничной муки продавалось за 2 руб. 80 коп. Таковы же соотношения цен казенных и базарных на другие сельско-хоз. продукты. Таким образом, государственные заготовки сельско-хоз. продуктов имеют характер натурального обложения крестьянства, весьма тяжелого и многосложного. Государство выступает не как выгодный покупатель сельско - хозяйственных продуктов, а как налоговзиматель. Крестьянство — плательщик этих тяжелых налогов лишено права торговать хлебом, пока оно не выполнит поставок государству. Эта повинность могла бы иметь иное значение, если бы она компенсировалась предоставлением крестьянству особо льготных цен на государственные промышленные товары. Но этого не существует. Цены на промышленные товары из государственных магазинов стоят на весьма высоком уровне. В виде примера можно здесь привести цены на такой продукт массового потребления, как сахар. В 1914 году крестьянин Украины за пуд пшеницы весной получал 97 коп. За эти деньги он мог купить 8 фунт. сахара. Теперь за пуд пшеницы он может купить только 0,87 ф. сахарного песка. И государство и крестьянство понимают заготовки сельско-хозяйственных продуктов, как особую форму обложения. Следовательно, крестьянство не продает свои продукты, а сдает их казне по разорительным ценам, не получая возмещения на советском товар-

ном рынке, куда оно появляется, как покупатель государственных промышленных товаров.

Итак, между государством - заготовителем и крестьянством - производителем сельско - хозяйственных продуктов существует острое противоречие интересов. Во всяком случае только базар, т. е. вольный рынок, дает ему возможность продавать продукты по вольным ценам. Но на базар крестьянин может вывести лишь небольшое количество продуктов, т. к. большая часть их забирается государством. Для крестьянина было бы в нынешних условиях идеалом получение права свободной реализации своей продукции на вольном рынке и ликвидации системы государственных заготовок.

Д) Наконец, надо еще указать, что в современном «бесклассовом» обществе начался процесс очень острой дифференциации. Применение сдельной системы оплаты труда привело к необычайному различию заработка рабочих. Так, при средней заработной плате в 206 рублей в месяц (по плану на 1936 год) есть заработки рабочих, превышающие 2000 рублей в месяц (так наз. стахановцев). Но необходимо иметь в виду, что в 1936 году существовали заработки рабочих в 117,6 рублей в месяц. Таковы, напр., ставки для некоторых категорий строительных рабочих. Среди рабочей массы в СССР появился особо высоко оплачиваемый слой рабочих, именуемый по советской терминологии, «знатными» людьми, часто имеющих ордена. Велико также различие материального положения и среди колхозников. В колхозах целиком применяется сдельная оплата труда (по количеству «трудодней»). Так, напр., в 1934 г. в группе обследованных колхозов оплата одного трудодня колхозницы зерном колебалась от 1,6 килогр. до 9,7 кил. Такое различие обусловливается хозяйственным состоянием колхозов, различием в урожайности и т. д. Между количеством трудодней, вырабатываемых колхозниками одного и того же колхоза, также существует большое различие. Оно связано с возрастным составом колхозных семей: семьи с большим количеством трудоспособных имеют больше трудодней и меньше трудодней имеют семьи, где значительная часть членов семьи нетрудоспособна. Таким образом, как среди колхозов, так и среди колхозников одного и того же колхоза, есть богатые, середняки и бедняки, т. е. те самые категории крестьянства, на которые обычно большевики делили крестьянскую массу до периода ликвидации индивидуального крестьянского хозяйства.

В этом разнородном по материальному положению бесклассовом обществе, естественно, неодинаковы претензии разных групп населения к власти. Есть массы рабочих и крестьян, раздраженных бедностью, и, надо думать, весьма недовольных государственной властью, и есть группы населения, вполне удовлетворяющиеся своим положением. Есть проклинающие власть и появился тонкий слой благословляющих. И хотя среди благословляющих нет буржуазии и помещиков, но жизнь и психология «знатных» людей в СССР иная, чем лиц, не причисленных к категории «знатных».

Все вышеизложенное дает основание для такого вывода. Социальный строй СССР нельзя втиснуть в какие либо существующие схемы. Он не похож на социальную структуру до-октябрьской России и несходен с капиталистическими государствами. Он совершенно своеобразен. Советская власть именует нынешнюю Россию социалистическим и бесклассовым государством. Мы видели, в каком смысле можно СССР считать бесклассовым государством. В какой степени СССР является социалистическим государством? Для ответа на этот вопрос трудно найти какой либо точный и исчерпывающий критерий. Марксизм ведь не дал положительной теории социалистического государства. Часть социалистов, в том числе русских (марксистов и народников), никак не усматривает в СССР осуществление социалистических начал.

Для нас это — новый тип государства, где роль капиталиста и вообще все его функции, выполнявшиеся в прежней России частным хозяйством, принудительно переданы в руки советской власти, которая действует, как государственный монополист, в области промышленности, торговли, банковского дела, транспорта и вообще во всех хозяйственных операциях, применяет в ведении своего огромного хозяйства принципы капиталистического порядка и вступает в сложные и острые противоречия с бесклассовым обществом.

А. Марков.

А. С. МИХЕЛЬСОН - АЛЕКСАНДРОВ

«Внутренний враг»

Ни помпезное прохождение чрезвычайного VIII-го с'езда советов, ни триумфальное выступление Сталина среди бесконечных оваций восторженных делегатов с'езда не должны заслонять нашего внимания от исключительно важных событий, происходящих в СССР, именно, от процессов «террористов и вредителей». Эти события окрашивают настроения некоторой части партии и беспартийных в республике советов в совершенно иных тонах.

Процессы «вредителей», т. е. лиц, обвиняемых в экономической контр - революции, не являются чем либо новым жизни СССР. Они начались с 1928 г. (первое дело о «вредителях» рассматривалось с 18 мая по 5 июня 1928 года), т. е. сейчас же после перевода СССР на социалистические рельсы, и таких процессов за все время было несколько. Процессы же террористов — явление новое. Они начались после убийства Кирова 1-го декабря 1934 года.

В самое же последнее время мы являемся свидетелями еще более чрезвычайных событий: обвиняемым во вредительстве пред'является двойное обвинение: в экономической контр - революции и в совершении «диверсионных актов», т. е. и в подготовке убийства членов политбюро, в целях реставрации капитализма и свержения советской власти, что выяснилось на только что закончившемся процессе вредителей в Новосибирске...

Попробуем разобраться в этом хитросплетении Сталина. Чтобы доказать, что восторг прославляющих советский строй делегатов VIII с'езда советов не является выражением настроения всех партийцев, достаточно припомнить и собрать воедино те отдельные события, которые имели место в СССР за последние годы. Эта краткая историческая справка осветит остающуюся в тени оборотную сторону того триумфа, котрый был устроен «гению человечества».

Создавшееся с очень давних времен враждебное отношение в партии к политике Сталина, с момента введения в СССР большевицкого социализма и разгрома «правой оппозиции» не только усилилось, но и захватило новые ряды партии. При осуществлении своего сельско - хозяйственного плана в 1929-1932 гг. Сталин встретил сопротивление не только со стороны крестьян, но и со стороны местных районных партийных и советских властей, а в союзных республиках даже со стороны высших партийных властей — секретарей ЦК и его некоторых членов. Все эти партийные власти оказались противниками генеральной линии Сталина и из сочувствия к крестьянам всякими способами уклонялись от проведения полностью предначертаний Сталина, например, по хлебозаготовкам. Как широко было противодействие этих местных властей видно из той массы сообщений советских газет о смещениях местных агентов власти с их должностей и даже предании их суду за неисполнение предначертаний центра. Чтобы побороть сопротивление своих местных агентов, власть прибегла к испытанному старому способу: к «чистке» партии. Эта «чистка» и вскрыла резкое идеологическое расхождение между правящей группой и частью партии.

Первая чистка, которую ЦК назвал генеральной, была проведена в 1930-31 г. Из 1.273.000 проверенных партийцев было исключено из партии 130.497, т. е. более 10% («Правда» 23 апрѣля 1931). Дальнѣйших данных о ходе чистки власть не сообщила, но то, что эта чистка выявила ужасающее состояние партии, в смысле ненадежности ее, как опоры власти, видно из того, что ЦК своим декретом от 10 декабря 1932 года постановил («Известия 11 декабря 1932): 1) произвести в течение 1933 года новую чистку всех членов и кандидатов в члены партии и 2) прекратить совершенно дальнейший прием в партию по всему СССР, как в городах, так и в деревне.

Страх правящей группы перед выяснившимся наличием в партии значительного числа «враждебных, ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов» был настолько велик, что вопрос об организации новой чистки был подвергнут самому подробному обсуждению в политбюро и в пленуме ЦК и ЦКК. Затем была создана специальная «Центральная комиссия ЦК по чистке партии», которая с своей стороны образовала составы Областных и Краевых комиссий по чистке партии во главе с видными членами ЦК и при участии надежных старых партийцев, как Сольц, Караваев, Киселев и др., и испытанных чекистов, как Познер, Трилиссер и др. Для руководства при производстве чистки Центральная Комиссия выработала специальную инструкцию («Правда 29 мая 1933 года). Не имея возможности подробно остановиться на ней, я отмечу только то, что чистке должны были подвергнуться решительно все партийцы, причем каждому из них вменялось в обязанность представить местной комиссии свою краткую биографию с указанием социального происхождения, служил ли в белой армии, чем занимался до 1917 г., принадлежал ли к другим партиям, был ли в оппозиции, участвовал ли в фракционной работе, привлекался ли к партийной ответствености и т. д. По ответам на эту специфическую анкету комиссия предполагала обнаружить враждебный элемент в партии. Насколько тщательно была организована чистка видно из того, что подготовка к ней продолжалась шесть месяцев. Чистка началась только с 1 июня 1933 года и продолжалась почти до конца 1934 года. Число исключенных из партии выразилось до 25% всего партийного состава, т. е. было исключено 400-500 тысяч партийцев.

Наступил 1935 год и что же оказалось? Несмотря на такую организованную чистку, враждебные генеральной линии партийцы ухитрились сохранить свое звание членов партии и усилили свою тайную агитацию против политики Сталина. С 1935 года советские газеты в течение нескольких месяцев заполнялись сведениями о раскрытии контр - революционных групп партийцев в самых разнообразных советских учреждениях: в заводских литературных кружках, в комсомольских организациях, средних школах, научно - испытательных институтах, университетах, даже в политотделах и пр. Такие группы, организованные, якобы, «троцкистскими последышами» и «зиновьевско - троцкистским охвостьем», были раскрыты в Киеве, Донбассе, Северном Кавказе, Воронеже, Казани и др. Члены этих контрреволюционных групп, к которым власть совершенно вздорно пристегнула имена Зиновьева и Троцкого, враждебно относились к сталинскому социалистическому эксперименту, т. к. сама жизнь показала им безумие генеральной линии Сталина. Это явление было отмечено в свое время мною на страницах газеты «Последние Новости» в статье «Новое в старом» (16 марта 1935 года № 5105). В заключении статьи я писал: «Еще более знаменательно, что из сообщений газеты о деятельности конспиративных организаций видно, что с оппозиционерами — рядовыми

партийцами солидаризируются даже некоторые из членов бюро районных партийных комитетов, призванных к искоренению оппозиции. Правящая группа, не смея об'явить об этом, об'ясняла пассивность некоторых районных комитетов в борьбе с конспиративными организациями «проявлением гнилого либерализма к троцкистам - последышам». Но дело, конечно, не в гнилом либерализме, а в идейном отрыве некоторых представителей местной партийной власти от правящей группы и ее генеральной линии. За этот «гнилой либерализм» все эти нисшие агенты власти понесли соответствующие наказания.

Но за последнее время привлекались к ответу не одни нисшие агенты власти. Напомню о следующих контр-революционных выступлениях за последние годы видных партийцев и о суровых репрессиях по отношении к ним. . Постановлением президиума от 9 октября 1932 года были исключены из партии 24 большевика, как участники и пособники контр-революционной группы Рютина; постановлением Об'единенного пленума ЦК и ЦКК от 12 января 1933 года за организацию подпольной фракционной группы были исключены из партии два старых большевика, бывшие наркомы Толмачев и Эйсмонт, а бывший нарком и член ЦК видный большевик А. П. Смирнов был исключен из ЦК; после убийства Кирова в 1934 году правящая группа под влиянием овладевшей ею паники расстреляла в разных городах СССР более ста партийцев, заключенных в тюрьмы за контр-революцию. Наконец, резолюцией ЦК от 7 июня 1935 года был исключен из партии незадолго до того награжденный орденом Ленина, член ЦК и бессменный секретарь ЦИК СССР Енукидзе, в честь которого был переименован в г. Енукидзе город Амбролаури на Кавказе.

Я привел только сведения о тех репрессиях по отношению к видным партийцам, которые были опубликованы. Вообще же в последнее время советская власть перестала сообщать об арестах видных партийцев и о суде над ними. Напр., о факте суда над Каменевым после августовского процесса 1935 года мы узнали только в 1936 году на «процесе 16-ти».

После обнаружения повсеместно в СССР контр-революционных групп в советских организациях, о чем я говорил выше, власть увидела, что последняя даже организованная чистка не избавила ее от нахождения в партии враждебных ее политике элементов. Об'явить официально новую чистку власть не решалась, другого же способа обнаружения своих врагов у нее не было. Правящей группе пришлось прибегнуть к вторичной чистке, но уже замаскированной. 13 мая 1935 года ЦК партии, в целях обнаружения проникших в партию «чуждых элементов», издал тайный приказ, в которм строго предписывал всем партийным организациям проверить свое «партийное хозяйство», т. е. проверить у всех партийцев выданные им партийные билеты по личным их карточкам, хранящимся в каждой организации. В этих карточках отмечается: краткая биография партийца, прохождение службы и наложенные на него за проступки партийные взыскания.

Этой проверке власть придавала важное значение и за ней следила, что видно из целого ряда постановлений ЦК, выговоров, сыпавшихся на представителей местной партийной власти, и даже исключений из партии виновных в нерадении членов местных партийных комитетов.

Одако, власть не удовлетворилась и этой чисткой. После окончания проверки «партийного хозяйства» ЦК своим постановлением от 25 декабря 1935 года предписал всем партийным организациям обменять у всех партийцев партийные билеты на новые, отпечатанные по новому образцу. Этот обмен явился второй замаскированной чисткой. Постановлением ЦК предписывалось не выдавать новых билетов тем партийцам, которые, по мнению высших местных партийных должностных лиц — секретарей, обкомов и крайкомов, — не оправдывают «высокого звания члена партии». Обмен документов было предписано начать 1 февраля 1936 года, а закончить к 1 мая 1936 года. И в данномъ случае за точным выполнением своего распоряжения ЦК внимательно следил.

Сколько партийцев было исключено из партии во время проверки «партийного хозяйства» и сколько партийтев после «обмена документов» не получило партийных билетов, т. е. тоже было исключено из партии, власть не опубликовала. В результате, однако, оказалось, что, несмотря на все проведенные чистки, правящая группа не освободилась от своих «внутрених врагов» — партийцев, враждебно относящихся к политике Сталина. Это обстоятельство удостоверяется признанием секретаря московскаго областного партийного комитета Хрущева. Телеграмма из Москвы от 2 декабря сообщила, что на VIII с'езде советов Хрущев произнес речь, в которой «горячо призывал к расправе с внутренними врагами, проникшими во все области советской жизни», причем указал, что «иногда враг скрывается даже под блузою рабочего».

Итак в ВКП имеется значительное число тайных опопзиционеров, ушедших в подполье. С этими «внутренними врагами», принадлежащими к среднему и нисшему слою партийцев и беспартийным, правящая группа расправляется быстро и без всякой огласки. О значительном количестве этих врагов свидетельствуют только переполненные концентрационные лагери. Однако и это Сталина беспокоит.

Чтобы сделать оппозицию совершенно безвредной он решил уничтожить физически всех возможных вождей этой оппозиции, измыслив для этого обвинение их в несовершенных ими преступлениях. Вот цель ближайшего грандиозного процесса с привлечением в качестве подсудимых старых видных большевиков: Сокольникова, Пятакова, Серебрякова, Радека, Угланова и др., к которым будет пред'явлено двойное обвинение и во вредительстве и в подготовке террористических актов против Сталина, Молотова и др. членов политбюро. Послушное Сталину б.

ОГПУ занялось постановкой этого судилища - маскарада. Процесс в Новосибирске 9-ти инженеров, из которых несколько человек - партийцев были с давнего времени оппозиционерами, явился только прологом. Читая советский отчет об этом процессе нельзя не вынести убеждения, что подсудимые обвинены в вымышленном преступлении. ОГПУ, путем обмана и угрозой расстрела без суда, добилось у подсудимых признания правильности этих обвинений. Как это ни чудовищно, но это так!

Ведь невозможно предположить, чтобы обвиненные Верховным судом инженеры в действительности преднамеренно, по сговору между собой, задушили рабочих на шахтах, причем смеясь, цинично, говорили: «Нужно подать газу нашим чудакам», «теперь наши братишки (рабочие) будут дохнуть в шахтах, как крысы», или «покажем рабочим веселую жизнь» и т. д. и хвалили подсудимого Шубина по поводу его предложения удушить рабочих газом: «вот это голова», хитро придумала». Весь процесс в Новосибирске представляется нам в виде чудовищного маскарада. Как участники обычного маскарада наряжаются «чертями», так на процессе в Новосибирске ОГПУ принудило одеться в костюмы «чертей» несчастных подсудимых, вся вина которых заключалась в том, что они враждебно настроены к Сталину.

Устройство судебных маскарадов не новость в СССР. Все процессы «вредителей» были маскарадами. Автор этой статьи в своей книге «Кто правит Ростией?», раскрыл маскарад процесса Рамзина и др. (Александров. «Кто правит Россией?», стр. 298). Рамзин с товарищами были осуждены Верховным судом за вредительство и за связь с представителями иностранных и эмигрантских интервентов. На самом деле они понесли наказание за то, что во время борьбы «правой оппозиции» со Сталиным дали председателю Совета Народных Комиссаров Рыкову материал, благодаря которому, Рыков мог опровергнуть правильность составления пятилетнего плана Сталина, за каковой поступок по существу их нельзя было привлечь к суду. Маскарад процесса «меньшевиков» был раскрыт одним из подсудимых Сухановым в своем заявлении на имя ЦИК СССР. Эти свои заявления он давал читать другим заключенным в концентрационном лагере. По сообщению «Социалистического Вестника» (№ 8 — 1936 года) в этих заявлениях Суханов напомнил, что ... «он пожертвовал своею совестью, согласившись играть комедию меньшевистского процесса, Суханов подробно рассказывает, как эта комедия была поставлена и организована, как б. ГПУ диктовало каждому его роль, как заранее сговаривались о показаниях и т. д. Он утверждает, что в словах обвиняемых не было ни звука правды; ГПУ обещало учесть эту жертву и дало твердое обязательство не приводить в исполнение приговора трибунала; обвиняемые свои обещания выполнили, а ГПУ их нарушило». Суханов требовал, чтобы данное ГПУ слово было выполнено».

Обманные маскарады присущи правящей группе с давних пор. В первые годы своего владычества, Сталина, не имея еще силы спокойно исключать оппозиционеров из партии, исключал их не за оппозицию, а по обвинению в нарушении партийной этики: якобы за карьеризм, шкурничество, склоку и т. п.

По поводу этих маскарадов - подлогов мы имеем прасочное свидетельство Преображенского от 1924 года: «Теперь позвольте мне сказать два слова по поводу происходящей чистки с полной откровенность. Товарищи, было бы гораздо лучше, если бы эта чистка произведена была таким образом, чтобы было постановлено очистить партию от определенной части оппозиционных элементов. Тогда каждый, кто подвергся исключению именно за это, уходил бы из партии не как человек, опозоренный политически и морально... Он уходил бы, не как «карьерист», не как «шкурник», не как «склочник».

Можно было бы привести еще очень много других циничных и жестоких приемов, которыми пользовался и пользуется Сталин, при достижении цели, которую он себе поставил. Эти приемы встречают пока полную поддержку со стороны ближайших его сотрудников, которых он морально развратил. Последнее время в стремлении к необ'ятной власти, Сталин начал очень тонко плести свои сети. Но где тонко, там и рвется, говорит русская народная мудрость.

А. Михельсон - Александров.

Д. МЕЙСНЕР

Расстрел коммунистов и эмиграция

Что вещи в России не стоят на одном месте, что в стране происходят огромные перемены социального, бытового, экономического и политического свойства,—знали те в эмиграции, кто смотрел на Родину открытыми глазами, зная, что страна уже не та, какой ее оставила эмиграция много лет тому назад.

25-го августа произошло, однако, событие, как бы сконденсировавшее в себе все признаки той русской эволюции, за которой с таким напряжением следим мы из-за рубежа, стремясь разгадать ес смысл. Расстрел коммунистов знаменосцев — событие огромного значения: и как факт, ближайшие последствия которого отсюда, при нашей оторванности от Родины, трудно все полностью учесть и как бесспорный симптом процесса быстрого умирания большевистской революции и разложения ее первопризывного актива. К тому-же дело, очевидно, не ограничится августовским судом и последовавшей затем «тихой» расправой «троцкистско - зиновьевских» приверженцев в Российской провинции.

Как же отнеслась к этому событию эмиграция и как должна она к нему отнестись? Одно основное положение нужно сразу же установить. В вопросе есть две стороны, не покрывающие друг друга и вызывающие разный ответ — **сторона морально-правовая и сторона чисто политическая.**

Что касается первой, то тут перед нами многочисленный и в основном согласный, хор возмущенных голосов. В стороне может быть лишь некоторые крайние элементы, для которых нет обязательного критерия в вопросах права. Наиболее резко на элементарную правовую неопрятность августовского процесса реагировали иностранцы. Особенно это относится к тем из них, кто, искренне или неискренне, создали себе представление о сталинской России, как стране **уже пережившей** время революционного бесправия и террора и вступившей на путь «гуманизма» (как, по иронии судьбы, заявлял о том выступавший в этом году в Праге Бухарин, едва избежавший теперь ареста и гибели и принужденный в редактируемых им «Известиях» печатать призывы к собственному аресту, не сопровождая их никакими комментариями). Секретарь рабочего социалистического Интернационала Ф. Адлер («Социалистический Вестник» № 18-19 от 10 октября 1936 г.) свою статью о процессе озаглавил «Московский процесс ведьм». Рассказывая о средневековых процессах ведьм, неизменно, после пыток, сознававшихся в творимом ими колдовстве и о «зверствах, происходящих в гитлеровских концентрационных лагерях и казармах» — автор заявляет: «Но еще поразительнее тот парадоксальный факт, что русская революция, столько сделавшая для борьбы с суеверием, вернулась в эпоху Сталина к методам колдовских процессов». Нам этот «поразительный факт» слишком давно и хорошо известен. Уличая советский суд в грубейших натяжках и извращениях, Адлер восклицает: «Обвиняемые в Советском Союзе не смеют высказать своего подлинного мнения о системе политической юстиции. Мы же заявляем открыто, что, пока будут практиковаться эти методы «процессов ведьм», мы будем считать политическую юстицию Сталина столь-же отвратительной, как и политическую юстицию Гитлера». Приводим эту цитату, как характерное суждение европейца, шокированного «азиатским стилем» московской расправы. Если в этом разрезе вопроса мы обратимся к русским авторам, то вот характеристика: «Ни одному тирану, ни одной инквизиции не удавалось так растоптать человека, как удалось Сталину» (статья г. Федотова «Новая Россия» № 12); «Толковали — продолжает автор — о гуманизме. Диктатор улыбался. И вдруг, без всякого внешнего повода, улыбка исказилась звериной судорогой и на нас глянула такая харя, от которой становится страшно за человека». Г. Федотов, говоря об унизительном поведении большинства казенных на суде, не радуется их унижению. «Я, заявляет он, унижен вместе с ними. Ибо их позор — тоже, в конце концов, позор России. Ведь эти люди когда-то победили Россию...» И конечный вывод автора (вывод, с которым ни в какой мере нельзя согласиться) «перед этим моральным фактом бледнеют все политические стороны процесса».

Вот крайнее суждение русского эмигранта, крайнее в том смысле, что морально - правовая сторона московского лицедейства совершенно поглотила всю силу его восприятия, все его внимание. Какое бы эмигрантское издание мы ни развернули, всюду почти находим «оценку по заслугам», даваемую большевистскому правосудию. Так издающийся в Америке «Федерацией русских рабочих организаций Соединенных Штатов и Канады» журнал «Дело Труда» (анархистское издание) заявляет: «Пора моральным принципам занять в социализме подобающее им место. Социализм, именно социализм стал слишком практичен: практичен до преступления. И если, после такого преступления в Москве, он будет продолжать политику сближения с секциями Коминтерна, то придется о нем сказать: мертвые не имеют стыда, и поступать с ним, как с мертвым».

Алданов называет процесс троцкистов «темным делом» и справедливо замечает «качество продукции в этом деле невысокое, очень невысокое. Трудно себе представить более сумбурное «обвинительное заключение», более нелепую, неубедительную аргументацию, более бессмысленный допрос». Для передовика «Последних Новостей» встает вопрос, «что хотел сказать московский диктатор этими судебными убийствами. Он доказал иностранцам — уже не в первый раз — только свою беспримерную утонченность московского варварства»... В передовой статье «Последних Новостей» от 3 сентября, озаглавленной «В азиатском стиле» говорится: «Показательные процессы» большевиков, и среди них, в особенности, этот последний процесс о покушениях на главу власти ничего кроме исторических догадок и материалов для развенчания и власти и ее жертв дать не могут». И далее: «Лживая ткань советских юридических хитросплетений рвется сама собой при первом соприкосновении».

Наконец, издание, особенно остро реагирующее на московские казни — троцкистский «Бюллетень оппозиции (октябрьский № 51-53) с возмущением (по правде сказать ни в какой мере не убедительным в устах троцкистов) говорит об обстановке террора и бесправия, царящей в сталинской России. «Бюллетень» при этом констатирует: «Нетрудно представить себе, какая атмосфера царит теперь в СССР. Никто не уверен в завтрашнем дне, и менее всего старые большевики. Вчера заслуженный ответственный работник, завтра без малейшего повода, об'является террористом. Старые большевики, из тех, кто хоть чем нибудь проявил себя в прошлом, не могут не спрашивать себя с тоской: «кто следующий на очереди». Эта цитата уже вплотную подводит нас к политической стороне дела, но прежде нужен все-таки итог по первому разбираемому вопросу о реакции эмиграции, а также той европейской среды, среди которой эта эмиграция живет, на пра-

вовую и моральную сторону августовского судилища. Выводы очевидны: 1) Для заграничного общественного мнения московский суд вскрыл и наглядно показал всю бездну бесправия и насилия, в которые повергнута Россия. Искусственно созданное под влиянием политических соображений, или искренне усвоенное из-за недостатка серьезной информации, представление, будто в России уже осуществлена какая-то, хотя и «советская» демократия и правовой строй, падает. В зависимости от степени преданности идеям правовой законности и степени заблуждения относительно подлинного положения вещей в Москве, шок получился более или менее сильный. В этом центр тяжести того «невыгодного впечатления», о котором часто говорят, когда определяют отношение иностранцев к процессу. 2) Эмиграция, для огромного большинства которой казненные были злейшими политическими врагами и подлинными палачами русского народа (Зиновьев, Бакаев и др.) не поддалась чувству мести и злорадства и назвала судилище, столь знакомое ей по многочисленным показательным процессам, заслуживающим его словом. Было бы однако более чем странным последовать примеру г. Федотова и замереть в той страдающей и оплакивающей русское достоинство позе, в которую привело этого публициста сообщение о постыдном поведении и судей и их жертв.

По мысли г. Федотова августовской трагической комедией «унижена Россия», по нашему же пониманию достоинство России есть нечто совершенно отличное от разбитого ныне в прах, всегда более чем сомнительного, достоинства коммунистических вождей. Вряд-ли поможет г. Федотову и посылаемый им в подкрепление основного положения такой тезис: «ведь эти люди когда-то победили Россию». Обстановка и характер этой «победы» нам слишком хорошо памятны и известны. Вот почему у нас, в противоположность сотруднику «Новой России», при известии о суде и приговоре, не было никакого «стыда за Россию», а была радость за Россию, явно освобождающуюся от об'ятий коммунистического спрута. Эта политическая сторона московского суда, и происходящих в России арестов и преследований коммунистов должна быть поставлена на первое место, так как ею действительно открывается новая страница русской истории.

В крови, грязи, измене и обмане победивший большевизм, ныне бесславно в крови, грязи, обмане и измене умирает. Умирает явно, умирает на глазах всего мира, умирает, несмотря на всю мощь «коммунистического правительства», несмотря на непобедимость «красной» армии, несмотря на уже «осуществленный социализм» на просторах одной шестой части света. Умирает окончательно, и спасения ему нет, ибо смерть принесена не на концах белых штыков, а самой неумолимой исторической логикой, возвращающей вещи на их места.

«Бюллетень оппозиции», т. е. Троцкий, рассуждая о казни, так и заявляет: «Московский процесс — процесс над октябрем». И далее «революционный интернационализм заменен культом родины в духе былого квасного патриотизма. А родина значит прежде всего начальство». Сторонники Троцкого считают, что последними расстрелами Сталин желает показать, что «Бонапартистская бюрократия ни перед чем не остановится в борьбе за узурпированную ею власть и в борьбе за свои привилегии». Трупы же Зиновьева и Каменева «должны в глазах мировой буржуазии доказать разрыв Сталина с революцией, послужить ему свидетельством благонадежности и национально - государственной зрелости». Так расценивают политический смысл последних русских событий троцкисты — друзья перманентной мировой социальной революции. Можно, может быть, сказать, что суждение это принадлежит слишком занитересованной стороне, чтобы с ним считаться. Но, если мы обратимся к другому социалистическому лагерю, к социал-демократам, то там мы услышим оценки, весьма близкие к троцкистским установкам. Если утверждение о троцкистско - меньшевистском блоке является, само собой разумеется, простой выдумкой московских властей, то никак нельзя отрицать идеологической родственности между высказываниями «Социалистического Вестника» и троцкистских изданий. Для Дана, например, Сталин «поступает, как носитель контр - революционных, анти - пролетарских и анти - социалистических тенденций в развитии Советского Союза». Суд над 16-ю коммунистами для ортодоксальных меньшевиков является прежде всего преступлением перед мировым рабочим движением, и они «протестуют во имя достоинства и будущности русской революции, во имя достоинства и интересов российского и международного пролетарского движения, во имя достоинства и интересов российского и международного социализма». Сталин же, по мнению меньшевиков «рвет последние нити, связывающие еще его диктатуру с пролетарски - революционным миром». Таковы суждения руководителя остатков меньшевистской партии г. Дана. Он явно желает обойти московское правительство слева и своей публицистикой дает основания говорить о троцкистско - меньшевистской идеологической перекличке. Для этих людей на первом месте по прежнему остаются задачи мирового социалистического движения; интересно, что и более правый меньшевик г. Абрамович ведет ту-же линию и у него та-же забота: «не трудно — говорит он в «Социалистическом Вестнике» — представить себе губительные моральные и политические последствия такого международного развития (речь идет о том же процессе 16-ти Д. М.) как для мирового рабочего движения, так и для безопасности русской революции. И эти катастрофические последствия «процесса» искупаются теми жирными поцелуями, которые Сталин за свой «реализм» получил от фашистского оффицио-

за «Месаджеро» и некоторых других органов европейской реакции».

И троцкисты и ортодоксальные меньшевики из «Социалистического Вестника» слишком торопливы в своей панике, но несомненно в их опасениях много правды. Только для нас разрыв с мертвящей догмой марксистского социализма, только что испытанного Россией в его коммунистическом варианте, является признаком благодетельным. Как же далеко зашел Сталин на пути ликвидации старой революционной догмы и людей, ее представляющих? Это вопрос первый. А затем другой вопрос — смежный: «эволюция» Сталина является ли продуманной тактикой ликвидации революционного положения в стране, или всего лишь очередным зигзагом перед лицом очередной необходимости? Можно-ли, таким образом, говорить о «Термидоре».

Сначала, однако, о «жирном поцелуе», столь возмутившем г. Абрамовича. Совсем не одна только фашистская печать, а и самая демократическая, а отчасти и социалистическая, как то было, например, в Чехословакии, осудив правовую и моральную неопрятность суда, — с удовлетворением заговорила о ликвидации правоверного русского коммунизма, заговорила о «Русском Термидоре». «Жирный-же поцелуй» имеет очень большое значение: московская печать вероятно предполагала, что **политический смысл** судебной казни коммунистов будет положительно расценен широкими европейскими кругами и она **не ошиблась в этом своем расчете.**

Если, однако, иностранцы легко удовлетворились броской исторической аналогией, то для русского сознания вопрос оказывается более сложным.

«Термидор» — в священном революционном ужасе восклицают русские марксисты.

«Меньше всего судебно - образное уничтожение шестнадцати — нелепость и бессмыслица», заявляет в «Новой России» А. Ф. Керенский и он тут же признает «исключительное значение в «эволюции» сталинской диктатуры этого убийства и знаменательную значительность самой политической борьбы, которая происходила и происходит внутри России, внутри партии, внутри правящего аппарата, докатываясь до самого трона «отца, друга и вождя народов».

Передовик «Последних Новостей» прямо приходит к выводу огромного значения и заявляет: «А между тем нельзя скрывать от себя — он (процесс) знаменует собой крупный исторический поворот в развитии событий русской революции. Униженные самообличения главных деятелей звучали надгробным словом над ее исходными идеями и идеалами. Залитая кровью невинных жертв эта революция кончается в крови и грязи. Перегорели страсти, отшумели громкие речи, остался казенный трафарет и пепел сожженных идолов». Из этого, совершенно верного анализа явствует, что **все главные социально-психологические элементы термидора налицо;** об'явленная Сталиным «веселая жизнь» под гармошку лишнее тому доказательство. Русский термидор движется, правда, своим особым долгим, извилистым путем. Сжигая революционных идолов, диктатор все-же не решается приступить к дальнейшим **неизбежным** шагам на пути прекращения революционной лихорадки и гражданской войны в стране; уничтожая коммунистических вождей, он тут-же спешит отдать дань их-же прежней фразеологии. **А время не терпит: грозная международная обстановка требует прежде всего гражданского мира и экономического раскрепощения.** Вот какими словами Ипполит Тэн определяет смысл политики первого консула:...«дворянин или мещанин, духовное лицо или человек светский, богач или бедняк, бывший эмигрант или бывший террорист, всякий человек, каковы бы ни были его прошлое, его положение, его убеждения, теперь пользуется своей частной собственностью и своими законными правами... Если он не нарушил закона, он засыпает вечером с уверенностью, что утром он проснется свободным, а утром просыпается, зная, что весь день он будет делать то, что ему угодно: работать, покупать, продавать, тратить, веселиться, ходить, куда ему вздумается; что он имеет право ходить к обедне, или не пойти в церковь, если ему этого не хочется... Прекратилась внутренняя социальная война при помощи оружия или декретов, французы не побеждают больше французов... С невероятным облегчением они выходят из анархического и варварского режима, который заставлял их жить только данной минутой; теперь они возвращаются к мирному и правильному течению жизни, позволяющему им рассчитывать на завтрешний день, а следовательно и заботиться о будущем. После десяти лет беспокойного рабства под гнетом различных деспотизмов наступает разумный и окончательный порядок, или, по крайней мере, порядок обдуманный, терпимый и постоянный. Первый консул делает то, что говорит, а он сказал: «Революция кончена». (И. Тэн. Происхождение современной Франции т. 5).

Пойдет ли сегодняшний диктатор этим единственно возможным путем или, что кажется более вероятным, для нового этапа явится новый человек, идейно менее связанный с идеологией революции? Близкое будущее должно дать ответ на этот вопрос. Сейчас страшная машина «Термидора» как будто предполагает продолжать свое победное, грозное шествие.

Д. Мейснер.

ДЕМОКРАТИЯ — ЭТО ВЛАСТЬ НАРОДА, ЧЕРЕЗ НАРОД И ДЛЯ НАРОДА

Линкольн.

В. ПОПОВ

Советская адвокатура

У большевиков, в первое время по приходе их к власти, не было ясного представления о том, при помощи каких учреждений и институтов должно функционировать созданное ими государство и потому вся их деятельность первого периода носила характер малопродуманного эксперимента. Новые организационные формы на практике очень быстро обнаруживали свою полнейшую непригодность и также спешно, как и принимались, заменялись новыми, построенными нередко на основах, диаметрально противоположных первоначальным.

Не избежала общей участи и адвокатура.

Не зная чем заменить существовавшие до большевиков и одновременно с судом (Декрет № 1 о суде от 17 ноября 1917 года) упраздненные институты присяжной и частной адвокатуры, большевики решили попробовать обойтись вовсе без адвокатуры, как организованного целого. Право представительства на суде тем же декретом было предоставлено всякому, пользующемуся гражданскими правами и неопороченному гражданину (обоего пола).

Практика очень скоро убедила советскую власть в невыгодности для них подобного решения. Новые советские судьи, в большинстве своем состоявшие из людей малограмотных (были кое-где и вовсе неграмотные судьи) и, конечно, совершенно незнавших старых законов, чувствовали себя крайне неловко, когда в их камеры приходили опытные, вооруженные и знанием и безупречной логикой, юристы и совершенно неопровержимо доказывали или вздорность пред'явленных новою властью их подзащитным обвинений, или необходимость вынесения судом того или иного решения на основании существующих и неотмененных революцией законов.

Нужно сказать, что по декрету № 1 о суде, суд в своих приговорах и решениях был обязан руководиться законами до-большевистских правительств, поскольку эти законы не были отменены революцией и не противоречили революционной совести и революционному правосознанию.

Постоянная демонстрация на суде юридического невежества новых судей, а также обстоятельная и резонная критика новых порядков и нового строя старыми юристами приводили судей в страшное раздражение, и они, ссылаясь на свои революционные принципы, отказались считаться с существовавшими до большевиков законами. Советская власть согласилась с ними и издала новый закон, категорически воспрещавший делать какие либо ссылки на старые законы. Далее нужно было воспретить выступления на суде всем лицам, не стоящим на советской платформе и эта мера была проведена в декрете № 2 о суде в феврале 1918 года.

Согласно новому закону право свободного представительства на суде было отменено и впредь выступать могли лишь члены вновь созданных коллегий правозаступников. Эти коллегии создавались при местных советах. Правозаступники были советскими чиновниками, получавшими от казны жалованье и выполнявшими, в порядке командировки, на суде либо обязанности обвинителя, либо защитника или представителя стороны в гражданском процессе.

Декрет № 3 о суде от 30 ноября 1918 года развивает положение об этих коллегиях. За участие членов коллегии в процессе взималась с обвиняемых и сторон плата, которая шла в доход казны. Помимо членов коллегии в качестве представителей сторон и защитников на суде допускались лишь близкие родственники, как то: родители, дети, супруги, братья и сестры, и юрисконсульты сов. учреждений по уполномочию этих учреждений.

По словам Крыленко правозаступников пришлось упразднить потому, что не было возможности уследить, чтобы правозаступники, помимо жалованья, не брали бы мзды и с клиентов. Хотя последняя и рассматривалась, как взятка, и была уголовно-наказуема, но, повидимому, это не останавливало сов. адвокатов.

Тогда сов. власть додумалась до мысли организовать защиту на началах принудительной повинности. По декрету от 21 октября 1920 г. и изданной на основании его инструкции от 23 ноября того же года, защита по уголовным делам была об'явлена общественной повинностью для всех граждан, которые по своей профессии, образовательному, партийному или служебному стажу были подготовлены для исполнения обязанностей защитника.

Списки таких защитников составлялись народными судами, революционными трибуналами, профессиональными и партийными организациями, а также коллективами служащих советских учреждений и утверждались отделами юстиции местных советов. Избранные не имели права отказываться от несения защиты (6 дней в полугодие) и за свой труд получали вознаграждение в тех же размерах, как и народные заседатели.

Можно себе представить, каково было положение и этих подневольных защитников и особенно их несчастных подзащитных. Сам Крыленко признает сейчас, что этот опыт был совершенно неудачным, явно искусственным и неспособным ничего дать. От него пришлось отказаться и 26 мая 1922 года был издан новый декрет, организовывавший адвокатуру на началах самоуправления.

1922-ой год был годом, когда Советскую Россию начинают принимать в международное общение (Генуэзская конференция), признавать сперва де-факто, а потом и де-юре. Отсутствие у большевиков положительного права было большой помехой при установлении международных связей, изданные

же большевиками в эпоху военного коммунизма декреты, по собственному признанию творцов, были более «агитационными лозунгами», «призывом к действию», а не общеобязательными нормами права. Коренного изменения старых декретов требовало и об'явление «нэп»-а, т. е. новой экономической политики, допускавшей восстановление свободной торговли и некоторых капиталистических отношений. Начинается срочное изготовление новых законов, в том числе устава гражданского и уголовного судопроизводства, нового положения о судоустройстве. Содержание новых кодексов было в значительной степени заимствовано из старых до-большевистских законов, а некоторые статьи были списаны с них буквально слово в слово.

По новому закону об адвокатуре в каждой губернии образовывалась Коллегия защитников, управляемая общим собранием и ежегодно переизбираемым президиумом. Советскими защитниками не могли быть лица, лишенные по конституции избирательных прав, и лица, состоящие на государственной службе (кроме профессоров и занимающих должности по выборам). Наличность юридического образования была необязательна. Согласно Положению о Коллегии в ее состав принимались лица, имевшие не менее двух лет ответственной работы по советской юстиции, либо выдержавшие особое испытание. Оплата их труда производилась на следующих основаниях: а) лица, признанные особым постановлением народного суда неимущими, от всякой уплаты вознаграждения защитникам по уголовным и гражданским делам освобождаются, б) рабочие государственных и частных предприятий и советские служащие платят по таксе, установленной НКЮ и в) во всех остальных случаях вознаграждение определялось соглашением защитника с заинтересованной стороной. Защитники должны вносить в фонд Коллегии известное процентное с заработка отчисление на содержание президиума Коллегии и на расходы по организации юридических консультаций.

В состав образованных на основании закона 1922 года коллегий вошли как молодые советские юристы, так и немалая часть оставшихся в России адвокатов старого времени. В течение первых лет существования Коллегий защитников они развили очень оживленную деятельность, которая, однако, не удовлетворяла представителей власти, желавших, чтобы вся работа была направлена исключительно к пользе и восхвалению советского строя и его возглавителей. За тот же период времени на практике обнаружилось, что также, как и прежде, среди советских адвокатов, («чеказе») были люди с большой или малой практикой, преуспевающие и бедствующие, «толстые» и «тонкие». Особенно преуспевали люди, обладавшие и большими знаниями и большей ловкостью. Неравномерность заработка вызвала страшную зависть у малоуспевавших и с начала эпохи всеобщей коллективизации, в советской адвокатуре начинают раздаваться требования о необходимости уничтожения «частничества», т. е. свободы сговора с клиентом и обращения гонорара в свою, адвоката, пользу и создания, взамен этого, общего адвокатского коллектива, члены которого получали бы вознаграждение поровну. Как пример тогдашней агитации приведу выдержки из статьи одного из московских защитников (№ 2 журнала «Сов. Юстиция» 1930 года).

«Коллегии защитников по своей организационной форме являются об'единением кустарей (юристов) - одиночек, работающих на дому; я бы сказал они скорее являются концерном мелких капиталистических (предприятий) кабинетов чкз, которые сидя в своем кабинете, продают свои знания (продукт) различным слоям населения, причем продают этот продукт без общественного контроля над его качеством и ценой. При такой постановке дела мы наблюдаем буквальное сдирание шкуры с клиентов по явно (проигрышным) негодным делам. Отсюда происходит недобросовестное обогащение отдельных чкз, загрузка наших судебных и иных учреждений неосновательными жалобами и ходатайствами и бесплодная затрата средств на их разрешение... Нужно запретить частную практику и произвести коллективизацию защиты».

Попутно шли доносы на адвокатов, выходцев старой адвокатуры, как на людей использующих трибуну судебных органов для пропаганды правовых норм буржуазии, а иногда и контр - революционных взглядов на советскую действительность. Вообще борьба шла с более культурной, а потому и более преуспевавшей, частью адвокатуры и так как сторонники реорганизации были власти более близкими людьми и постоянно кричали о своей преданности новому строю, то победа осталась за ними, но, правда, победа неполная, т. к. вместо единого коллектива были создан ряд коллективов и гонорары шли не в «общий котел», а в отдельные «кастрюлечки».

Положение о коллективах членов коллегии защитников было окончательно утверждено Коллегией НКЮ 27 февраля 1932 года и устанавливало что коллективы организуются в районных и межрайонных масштабах, действуя под непосредственным руководством соответствующих президиумов областных (краевых) коллегий защитников.

Коллективы чкз оказывают юридическую помощь населению, обслуживают государственные учреждения и предприятия, кооперативные и общественные организации, ведут пропаганду советского права и подготовляют практикантов - выдвиженцев. Вступающие в коллективы лишаются права какой либо юридической работы помимо коллективов и не через коллективы. Исключение допускается только для педагогической, литературной и научной деятельности, а также работы юрисконсульта предприятий и учреждений общественного сектора по совместительству.

В отличие от первоначального постановления 1930 года обращающийся в коллектив за юридическою помощью имел право выбора члена коллектива, которому он желает передать ведение своего дела. Вознаграждение оплачивалось по таксе, неимущим и малоимущим дела велись бесплатно. Размер вознаграждения для каждого члена коллектива определялся в зависимости от опыта, квалификации, нагрузки и проводимой общественно - правовой работы каждого данного коллектива, причем наивысший размер не должен превышать наименьший более, чем в пять раз.

Установленный этим положением порядок соблюдается и поныне, но т. к. у большевиков нет, как они говорят, «фетишизации» закона, то потому во многих местах наблюдается те или иные от него отклонения.

В проекте новой конституции есть статьи, посвященные суду и прокуратуре, но нет ни слова об адвокатуре. Из речи Крыленко, назначеннного недавно союзным наркомом юстиции, на общем собрании Московской областной коллегии защитников, 9 августа с. г. (С. Ю. № 27 от 25 сентября) мы узнаем, что адвокатуру предполагается и в будущем сохранитъ на тех же принципах.

«Защита должна быть и в будущем построена по принципу самоуправляющихся коллегий защитников. Это не должна быть замкнутая каста. Доступ в нее должен быть открыт всем, отвечающим требованиям политического опыта, юридических знаний и общегосударственного равноправия. Коллегии должны быть самоуправляющимися, т. к. только это обеспечит им независимость в судебной работе. Управление коллегиями должно быть подлинно выборным и не должно иметь места, как в Москве, когда нельзя было разобрать, существует ли выборный президиум или нет».

Но Крыленко говорит, что над коллегиями защитников должен быть надзор со стороны НКЮ и потому запроектировано создание особого управления или отдела, в котором будет точный учет кадров, особенно руководящих, разбор и разбирательство жалоб на прием и исключение.

Но предположено уничтожение насильственной коллективизации. Коллективы будут, говорит Крыленко, сохранены лишь как свободное об'единение защитников с вознаграждением, построенным по принципу «каждому по количеству и качеству его труда», на основе специально выработанной, принятой и установленной таксы, на принципе проведения оценки труда внутри коллектива, конечно, под публичным контролем общественности, правительственным контролем ВКЮ, а если нужно и судебным контролем.

Теперь посмотрим каково на практике положение советского адвоката.

Прежде всего в советских газетах никогда нельзя найти ни фамилий выступавших на суде адвокатов, ни содержания произнесенных ими речей. Нет сведений и о каких либо общественных выступлениях сов. адвокатуры. Если о них и пишут, то только когда нужно отметить какие либо непорядки, выругать адвокатов. Очень мало и редко пишет о них и специально юридическая (вернее ведомственная, т. к. в СССР нет частных юридических журналов) пресса.

По словам нынешнего прокурора СССР Вышинского (б. московского помощника присяжного поверенного) в советском суде представителей защиты едва терпят. Судьи стараются всячески продемонстрировать им свое пренебрежение и думают, что тем самым доказывают свою высшую революционнность. Многие из прокуроров смотрят на защитников, как на не разоблаченных преступников. «Суды, говорит Вышинский, терроризуют защитников и недооценивают их работы, они не понимают, что когда защитники хорошо подобраны и представляют квалифицированный состав, они помогают судебным органам разобраться в деле». Им хочется содействия защитника в получении сознания от подсудимого. Так они расценивают положение, что советский адвокат должен быть помощником судьи в советском суде.

Это влечет за собой то, что некоторые защитники, особенно в провинции, по словам Голубовского (Соц. Зак. № 6 — 1936), теряют чувство ориентировки в том, где кончается помощь правосудию и начинается нарушение профессиональных обязанностей защитника. Иногда защитники, вызывая недоумение всей аудитории, целиком и полностью присоединяются к требованию прокурора о возможно строгом наказании, а потом уже подсудимому, если он умеет, приходится защищаться от выводов и прокурора и защитника.

Судьи и прокуроры смотрят на защитников, как на людей, которые излишне затягивают процесс, «мешают», «надоедают», не дают добрым судьям спокойно жить. Третирование адвокатов доходит до того, что один председатель суда запретил служащим суда, под угрозой увольнения, здороваться с адвокатами за руку. Один прокурор как-то назвал адвоката жуликом и обещал посадить в тюрьму, если он еще раз явится в его камеру. И как говорит № 8 «Сов. Юстиции» за 1936 год, фактов подобного нетерпимого отношения к защитникам в отдельных судах не мало.

Судьи всячески стесняют адвокатов в их работе, не дают времени на подготовку, отказывают в вызове свидетелей, всячески стесняют во время процесса. В 1933 году Главный суд Крымской республики исключил из числа защитников четырех адвокатов за то, что они «выступая на суде, единодушно доказывали неправильность квалификации пред'явленного их подзащитным обвинения и кроме того во время процесса возбуждали невероятное количество ходатайств, а двое защитников кроме того настойчиво добивались отмены приговора в Верховном Суде».

Неудивительно, что сов. адвокаты строят свою работу так — «как бы чего не вышло» (Соц. Зак.

№ 10 с. г.)· Не желая наживать себе неприятностей, защитники проходят мимо даже грубых нарушений судьями законов и нередко просят только о снисхождении там, где дело в последующих инстанциях прекращается вовсе за отсутствием состава преступления. Опираясь на то, что для советского защитника интересы государства выше частных интересов клиента, эти защитники нередко сознательно «топят» своих клиентов. Неудивительно, что както один из подсудимых просил своего защитника руководить и писать для него бумаги, но в суде не выступать, чтобы его, обвиняемого, не компрометировать. Был случай, когда адвокаты на страницах «Сов. Юстиции» ставили вопрос, не следует ли им обжаловывать оправдательные или слишком мягкие приговоры их клиентов в тех случаях, когда их, адвокатов, советское сознание, требует осуждения или более строгой кары.

Робость и лакейское угодничество сов. адвокатов вызывает чувство брезгливости даже у сов. прокуроров и об'ясняется чрезвычайно невысоким моральным и культурным уровнем сов. защитников.

В старую русскую адвокатуру попадали лишь люди высокой культуры и морально незапятнанные. Высшее юридическое образование было необходимым условием для вхождения в адвокатуру. Каждый адвокат должен был отбыть также и практический стаж.

Для советского адвоката высшее юридическое образование не требуется. С каждым годом, по мере вымирания или отсеивания из коллегий старых дореволюционных адвокатов, все ниже падает и образовательный и моральный облик сов. адвоката. По словам Эпштейна (Соц. Зак. № 9 — 1935 г.) сов. адвокаты сейчас «в лучшем случае это — бывшие технические работники суда и прокуратуры или же судьи и следователи, по тем или иным причинам, часто против своей воли, ушедшие со своей прежней работы, в худшем случае это — случайные люди, воспользовавшиеся широко раскрытыми дверьми коллегии для того, чтобы хоть где-нибудь пристроиться».

По словам сов. адвоката Тагера (Соц. Зак. № 10 с. г.) за последние годы совершенно уничтожен источник пополнения коллегий специально подготовленной молодежью. Институты сов. права готовят судей и прокуроров, но не защитников. На адвокатскую работу направляются люди негодные ни в судьи, ни в прокуроры, ни в следователи...

Очень много горьких слов слышится по адресу руководителей Коллегий, где захватили места коммунисты. Вышинский говорит, что ему постоянно жалуются, что даже в Москве неавторитетный и незаслуживающий уважения президиум в коллегии защитников. Тот же Тагер отмечает что руководители Коллегий считают, что выступление в качестве защитника дело беспартийных, а партийный человек может выступать лишь в качестве обвинителей и потому сами никогда и никого не защищают. Крыленко сейчас обещает уничтожить назначенство и ввести выборность в президиумы коллегий, но пока это лишь обещания.

Почти повсеместно Коллегии и бюро коллективов создали огромнейшие аппараты - канцелярии, бухгалтеров, инструкторов, «ответственных дежурных» и т. п. Все дело ведется, как и во всех советских учреждениях, бумажным, бюрократическим путем. Все это требует огромных расходов, и до 70% адвокатских гонораров идет на всякого рода «организационные» расходы.

Хотя уничтожение принудительной коллективизации защиты, по словам Крыленко, еще только намечается, но и сейчас уже в Москве есть несколько десятков адвокатов, работающих вне коллективов. Они оплачивают Коллегию лишь % с гонорара. Распределение же гонорара в коллективах производится в разных местах по разному. На Украине все адвокаты разбиты на 10 разрядов и получают определенное жалованье, а гонорары идут в общую кассу, в Ленинграде существует система баллов (каждое действие адвоката расценивается баллами, т. напр. устный совет — 2 балла, бумага — 5 или 8 баллов, заседание — 15 и 30). Затем складываются гонорары и число баллов и делится между адвокатами, с удержанием до 50% из общей суммы на содержание президиумов Коллегий и коллектива), в Москве система %% (не более 35) с гонорара и марок. Адвокатские коллективы очень рекламируют себя и конкуррируют друг с другом. Весь забор напр. Московского суда заклеен разноцветными рекламами отдельных адвокатских коллективов. Но зато, почти как правило, нигде в коллективах нет ни юридических библиотечек, ни справочников, ни кодексов последних изданий.

Нынешнее положение советских адвокатов претит даже самим большевикам. Вышинский так пишет в окт. книжке «Социалистической Законности»: «Советскому государству, сов власти и нашей партии не нужны защитники услужающие, не нужны защитники потакающие, не нужны защитники ползущие и пресмыкающиеся. Нам нужны защитники способные на героические подвиги, не дураки, хотя бы и услужающие, а умные, высоко квалифицированные, политически самостоятельные и ответственные люди, потому что наша работа — это работа, требующая сплошь и рядом героических усилий и выдающегося мужества, выдающейся настойчивости, решительности и политической дальнозоркости»

Надзор, который собирается учинить над адвокатами Крыленко, несомненно еще больше усилит их зависимость от власти и еще более уронит их в общественном мнении.

В. В. Попов.

П. МИЛЮКОВ

Треугольный спор

ОТ РЕДАКЦИИ.

Полемика г. В. Чернавина с Е. Д. Кусковой, П. Н. Милюковым и др. вызвала со стороны последнего ответ, в котором установлены принципиальные позиции П. Н. Милюкова по отношению к другим спорящим сторонам. В виду принципиального значения этого ответа «Наше Слово» считает необходимым перепечатать его в несколько измененном виде.

I.

В шести номерах подряд журнала «Новая Россия» (10-15) велся спор, в котором приходится, наконец, и мне принять участие. Вызван был этот спор «горестными мыслями» г. Чернавина о перемене взглядов русской эмиграции. Три года тому назад, когда он покинул Россию, она думала и говорила так же как он, а в настоящее время — в одной своей части — резко разошлась с г. Чернавиным, изменив свое отношение к советской власти из отрицательного на благоприятное. В основе этой перемены г. Чернавин усмотрел не только «примирение с советской властью, но (даже!) борьбу с порабощенным этой властью народом».

Г-ну Чернавину ответила в той же «Новой России» Е. Д. Кускова. Она поспешила, прежде всего, выгородить отъ его обвиненiй ту «другую часть эмиграции», которую она представляет и у которой и три года назад не было «общего языка» с единомышленником г. Солоневича. Но г. Чернавин в своем ответе Кусковой не без ехидства указал сотруднице «Последних Новостей», что, оспаривая его взгляды, она полемизирует не с ним, а с «основным направлением газеты», в которой сотрудничает. Ея возражения адресованы ему по ошибке. На самом деле они относятся к передовику газеты, с ним тогда согласному. Выходит очень эффектно: стравив нас с нашей сотрудницей, «случайный зритель» боя отходит к сторонке — и ждет результатов.

Что же! Недаром латинская пословица говорит: tempora mutantur, прибавляя к этому афоризму более спорный конец: et nos mutamur in illis. «Меняются времена, и мы меняемся с ними». Можно сказать, по-гамлетовски: «и башмаков не износили!»

Я вижу в этом полемическом эпизоде повод не для простого продолжения полемики, а для серьезного « examen de conscience ». В пылу ежедневной борьбы, быть может, мы сами не заметили своего превращения?

II.

Перейдем к существу навязанной нам полемики. Оказывается, три года назад «Последние Новости» были согласны с г. Чернавиным в двух существенных для него положениях: 1) «большевизм. — опасность международная — должен быть понят и отвергнут всем человечеством»; и 2) «вся страна стоит против большевиков, а многомиллионное, ограбленное до нитки крестьянство, в особенности, всеми доступными средствами борется с чуждой и и ненавистной ему советской властью. И его борьба кончится только тогда, когда Россия добьется своего освобождения». Эти два положения, формулированные три года назад, г. Чернавин делит на семь полуфраз и каждой противопоставляет решительное возражение Кусковой. Отсюда вывод, что у «части эмиграции, представляемой Е. Д. Кусковой (включая сюда и нас. **П. М.**), за эти три года отношение к советской власти изменилось в корне». Логические провалы в этом выводе видны с первого взгляда, и Кускова на них уже ответила вполне основательно. Во-первых, как можно из возражений нам Кусковой заключать о перемене взглядов «Последних Новостей»? А, во вторых, ведь в «Посл. Нов.» было «многое множество других высказываний»! Если г. Чернавин читал в «Последних Новостях» не одну только посвященную ему лично статью, то, сопоставляя с нею «другие высказывания» газеты, он мог бы догадаться, что и наше согласие с ним три года назад вовсе не было полным. Мы это увидим сейчас из подробного анализа процитированных г. Чернавиным двух тезисов передовицы 1933 года.

Что касается первого тезиса — «большевизм международная опасность», — скажу, прежде всего, что буквально этими словами озаглавлена моя 1-ая английская книга в эмиграции: « Bolshevism— international danger » (1920) , и что то же самое г. Чернавин найдет на первых и последних страницах только что выпущенной мною французской книги о внешней политике советов (См. La politique extérieure des Soviets, Introduction и стр. 509-516). Стало быть, этот тезис за все 17 лет, проведенных в эмиграции, по существу не изменился. Противоречит ли это возражению Кусковой, что за 20 лет опасность оказалась «не столь заразительна»? Нисколько. Уже въ той первой книге я начал с разсказа, как самая первая яростная атака большевиков на Европу с 1919 г. была без труда отбита. А затем последовал ряд других неудач, мною описанных неоднократно. Вообще в «мировую катастрофу», в связи с русской, я никогда не верил

ДЕМОКРАТИЯ ЕСТЬ ГРАЖДАНСКИЙ МИР.

— и полемизировал в этом смысле с разными представителями перепуганного и придавленного русской катастрофой молодого поколения. Прибавлю, что речь, ведь, тут идет не только об опасности московского варианта коммунизма с его военной силой, но, главным образом, о **международном источнике** русского «большевизма» — об учении коммунизма, которое внесено к нам, но продолжает отравлять европейские страны и «все человечество» даже и помимо Москвы. Наш русский «большевизм» собственно, все менее и менее становится похож на коммунизм Маркса: от времени он сильно выдохся и выветрился, не только, как идеология, но еще в большей степени, как неудачная попытка ее осуществления. Уже «ленинизм» был отступлением от марксистского правоверия, а «национальное» толкование Сталина о возможности социализма в **одной** (наиболее отсталой) стране — окончательной изменой. Вот почему и «международная опасность» со стороны Москвы получила сейчас иной характер, чем это было во времена наивной веры в марксизм. Отчасти поэтому московский большевизм и стал не только менее «заразителен», как теория, но и обезврежен, как опасный пример. Tempora mutantur — помимо нашей воли. И нельзя считать возражением мне то, что сейчас Москва проделывает с Испанией. Во-первых, noblesse — даже коммунистическая, все-таки, oblige. Во-вторых, еще вопрос, какая **тактическая** цѣль может скрываться за поощрением конфликтов на Западе, в противоположность Востоку. В ожидании выяснения этого последнего советского зигзага, литвиновская эра «пацифизма» все же остается реальным событием, и не нам защищать теперь тезис всемирной опасности коммунизма, когда он сделался лозунгом, искусственно прикрывающим истинные цели политики Гитлера.

III.

Сложнее, конечно, разговор по существу относительно 2-го тезиса передовицы 1933 г. Именно тут уже и я вслед за Кусковой должен повторить нашему критику, что он очень опоздал с своими наблюдениями случившейся с нами «перемены». Уже в конце 1917 г., ходя по улицам Ростова, я, к своему глубокому горю, должен был убедиться, что спорные «все» были скорее на стороне большевиков, нежели на стороне небольшой кучки самоотверженных защитников России (пусть для многих и **старой** России) от их кровавого захвата. Мое личное участие в организации «белой» борьбы в ее начале убедило меня тогда же в том, что должен был позднее признать и ген. Деникин: а именно, что борьба эта, независимо даже от воли ее участников **должна** была принять классовый характер. Потом сложился тот длинный перечень причин окончательной неудачи этой борьбы, на котором в 1920 г. был основан переход мой — и части эмиграции вместе со мною — к так наз. «новой тактике». Уже тогда мы утверждали, что «борьба с большевизмом не может продолжаться в прежних формах». Тогда же выдвигалась и необходимость «идти с программой глубокой экономической и социальной реконструкции» в ту Россию, где «под жестокой шелухой большевистского насилия произошел громадный психологический сдвиг и сложилась новая социальная структура». «Последние Новости» перешли под мою редакцию уже с этой определенной целью — проводить идеи нашей «новой тактики». Это нас отделило от остальной эмиграции, сохранявшей еще долго спустя свою «лубочную»*) непримиримость, «лубочное» толкование событий, — и сблизило нас с левой частью эмиграции, с которой мы нашли «общий язык» — и даже общую платформу 1922 года. Вот к какому времени следовательно должны были бы относиться возражения г. Чернавина — в той степени, в какой они **действительно** свидетельствуют о какой то нашей «перемене». Тут уже, в самом деле,, не только tempora mutantur но и nos mutamur in illis. Для большей исторической точности прибавлю: не «менялись», а возвратились к тому, чем мы (я разумею партию народной свободы) были до революции. «Бѣлая борьба» эту нашу политическую физиономию несколько затемнила; мы ее восстановили.

После этой исторической справки вопрос сводится к тому, мог ли наш передовик еще в 1933 г., при указанной нашей несомненной «перемене во времени», выражаться так, как он выразился в цитированных г. Чернавиным фразах, или же вместе с переходом нашим к «новой тактике 1921 г.» и ему следовало перейти к «другой оценке событий», — напр., к той, о которой упоминает Кускова. Вопрос решается простой справкой о наших радикальных расхождениях с Кусковой еще в средине 1920-х годов. Отказываясь от старой «лубочной» непримиримости, но не переходя и на «другую» точку зрения — Кусковой, — мы тогда искали «синтеза» двух точек зрения — и нашли его в следующей формуле республиканско - демократического об'единения, организовавшагося после принятия нами принципов «новой тактики»: 1) «Сохранение пафоса неприятия советской власти и борьбы с нею, а следовательно, и революционное к ней отношение и отрицание всякого рода примиренчества. 2) Признание положительного значения за общим смыслом происходящих внутри России процессов, ведущих к освобождению России от советской власти силами самого населения». Этот «синтез» был принят республиканскими демократами весной 1926 года. «Великая учительница — жизнь», по выраженію Е. Д. Кусковой, многое стерла и из ее прежних разногласий с нами, сохранив, однако, ту отдельную позицию, которая и делает наш спор «треугольным».

Передовица 1933 г., конечно, выдержана в духе этого синтеза. Но ясно, что она не могла отразить его целиком. Г. Чернавин же вообще не знает того

---

*) Право собственности на этот термин «лубочный» принадлежит З. Н. Гиппиус.

процесса изменений в идеологии эмиграции, о котором я принужден напомнить. Поэтому он и относит наблюдаемые им «перемены» только к трем последним годам.

Менее извинительно, что перемены эти представляются г. Чернавину ничем не мотивированными. С его точки зрения, после его ухода из СССР там ничто не переменилось. При помощи нескольких остроумных, но не очень продуманных сопоставлений, он очень легко отделывается от этой важной темы. А в ней вся суть. Что в самом деле нового в СССР, спрашивает г. Чернавин? Прежде был фальшивый процесс, теперь фальшивый процесс; прежде террор, теперь террор; прежде «даешь Берлин», теперь... даешь Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию и Литву (sic); прежде «субботники», теперь «стахановцы»; прежде «добровольный энтузиазм», теперь «добровольный энтузиазм» в лагерях и т. д. А осуждаемая им «часть эмиграции» почему-то «только теперь» «с восторгом вторит» якобы «новым» лозунгам Сталина! «Чем об'яснить» столь подозрительную для г. Чернавина нашу «перемену» и мнимую нашу готовность мириться?

Можно сказать: уверенность неведения — прямо обезоруживающая. Конечно, «специальность» г. Чернавина, по его справедливому замечанию, «далека от политики и журналистики». Можно понять, поэтому, отчего его тяжелые личные переживания до такой степени продолжают преобладать у него над теперешним немым «печатным материалом». Но ведь по переживаниям пишут только мемуары, а по печатным материалам — историю. Есть, все же, и нечто среднее между тем и другим. Современная печать накопляет в огромном количестве об'ективные факты; сопоставленные между собою, они допускают самопроверку. Г. Чернавин, пренебрежительно относящийся к этому источнику сведений об СССР, видимо, плохо следит за ним; а без этого уследить за «переменами» вообще невозможно. Вот почему и сражаться с г. Чернавиным мы не можем равным оружием. Для него вся история СССР толчется на одном месте: сегодня, как вчера; завтра, как сегодня. На поверхностный взгляд это выходит довольно убедительно, а для пострадавших лично — неотразимо. Но для серьезного наблюдателя то, что происходит в сов. России, есть долгий процесс, развивающийся последовательно и постоянно приносящий новые перемены, — процесс, никогда притом не повторяющийся, ибо — tempora mutantur. В наблюдения наши над процессом нам постоянно приходится поэтому вносить новые черты. В одном из докладов, помню, мне пришлось установить пять последовательных перемен в нашем понимании того процесса советской «эволюции», за наблюдение над которым нас так бранили справа. 1. Советская власть эволюционировать не может. 2. Эволюция происходит в России вопреки ей и несмотря на нее. 3. Она может происходить и благодаря сознательной политике власти. 4. Может при этом эволюционировать и сама власть. 5. Она уже перерождается в процессе эволюции. Уверяю г. Чернавина, что при констатировании этих «перемен» в нашем собственном представлении о ходе процесса, мне нисколько не было стыдно. Это, конечно, только отвлеченная схема. Но приходилось, наблюдая советскую жизнь, наполнять эти схемы и плотью, и кровью.

Можно-ли ожидать, чтобы, следуя этому методу, мы в три года таких наблюдений над действительно существенными изменениями во всем строе советской жизни в самом деле не изменились, оставаясь, конечно, верными общим положениям нашего принципиального синтеза? Конечно нет. И, вот, подойдя с этой стороны к второму тезису передовицы 1933 года, попробуем, считаясь с Кусково-Чернавинской полемикой, раскрыть его современное содержание.

IV.

Несомненно, концепция Кусковой тут иная, чем наша. По ее мнению «Россия поражена гражданской войной... Одна часть народа борется с другой; терпят поражение целые классы... Вовсе не вес народ на одной стороне, а диктаторы с их террором — на другой»... Но «русский народ уже силится потушить гражданскую войну — и потушит ее». Если концепция г. Чернавина слишком упрощена — в угоду пафосу первоначальной «непримиримости» — и тем приближается к «лубочной», то концепция Кусковой слишком усложнена, как я думаю, стремлением примирить действительность с доктриной. О «гражданской войне» можно было говорить, когда действительно шла борьба «классов». Теперь старые «правящие» классы побеждены и уничтожены, а новый сталинский классовый «отбор» «знатных» еще не успел сложиться и вступить в новую классовую борьбу. Частью «народа» он никак уж не может быть назван. Едва-ли следует вообще об'единять в понятие «народа» всех тех, кто зависит от власти и связан с нею заинтересованной преданностью — бюрократа и члена партии. Остается еще группа, проникнутая — не для внешнего оказательства, а искренно — «энтузиазмом» строительства. Я уверен, что есть такая, особенно среди недавней молодежи, оглушенной трубными звуками казенной печати и совершенно незнакомой с тем, что происходит за-границей. Но эта часть не борется с народом, а хочет добросовестно служить ему и лишь постепенно разочаровывается, наталкиваясь на партийные и бюрократические рогатки. Петров, которого не понял г. Чернавин, — прекрасная иллюстрация этой части народа. Человеческий материал по сю и по ту сторону баррикады, во всяком случае, после уничтожения старых классов — один и тот же. И мы, несомненно, имеем тут дело не с «гражданской войной» одной части народа против другой, а с прежней борьбой порабощенных против поработителей и их приспешников — как бы много этих последних ни числилось. Определение Ленина, что Россия управляется «олигархией», остается правильным и для нашего времени.

Если нет «гражданской войны», то и выражение «потушить» едва-ли подходит для обозначения ее исхода. Не «весь» народ, но все же многомиллионная его масса и сейчас продолжает борьбу. Но какую борьбу? Г. Чернавин подчеркивает в нашем определении как раз выражение: борьбу «всеми» средствами, тогда как мы сделали ударение на слово «доступными» средствами. Такое, напр., средство, как восстания, — на что г. Чернавин особенно полагается вместе с г. Солоневичем и известной частью эмиграции, — с нашей точки зрения «недоступно» для неорганизованной массы в борьбе со всесильным государством. Доступно ей другое, может быть, даже более могущественное средство — пассивного сопротивления, переходящего иногда в настоящее вредительство при помощи утайки, обхода закона и т. п., — часто и в сообществе с местными властями. Власть хорошо понимает неодолимую силу этого средства и, попытавшись сперва реагировать на него голым насилием, все более прибегает к методу возможных для нее уступок.

Что эта власть, в общем, остается ненавистной народу, в этом, кажется, сомнения быть не может. Но можно - ли продолжать говорить, что она ему «чужда», — в том смысле, как это понималось раньше? Тут надо сделать серьезные оговорки. Мы, конечно, и раньше не смешивались с теми, кто считал советскую власть «чуждой» в смысле принадлежности ее к не-русской национальности. Оставим этот «лубок» антисемитам внутренним и внешним. Мы не считали также первых деятелей большевистской революции, ту «старую гвардию», с остатками которой теперь так беспощадно расправляется Сталин, простыми «бандитами», наемными агентами и т. п. «Государство» — как временную форму — эти идеологи всегда признавали; если они пользовались государственным аппаратом для выжимания всех соков из народа, то делали это не для личного обогащения (если не иметь, конечно, в виду нравов и приемов властвования их бюрократии). Е. Д. Кускова только повторяет наш тезис, когда напоминает, что и теперешняя власть «вынуждена выполнять» некоторые элементарные функции государства. Эта власть, несомненно, сохранила государство от распадения, поскольку позволила это сложившаяся в мировой войне международная обстановка. Она восстановила военные силы России, обеспечивающие государство от дальнейших разделов и давшие ей определенное международное положение. При содействии таких «спецов», как г. Чернавин, советская власть восстановила и хозяйственно - экономический организм страны. Нельзя отрицать больших ее достижений в области разработки русских природных богатств и строительства русской промышленности. Пусть все это делается в интересах самосохранения или в интересах осуществления доктрины; пусть советская власть проявляет при этом огромное неумение, недостаток культуры и технических знаний, страшную расточительность человеческих сил; но нет сомнения, что во всех этих случаях интересы даже плохой власти и нации совпадают. Такая власть может оставаться ненавистной эксплоатируемому ею народу. Но она — уже вследствие одной продолжительности своего существования — не может оставаться ему «чуждой». Понятия государства и нации поневоле сближались и во внешнем, и во внутреннем непрерывном общении, — и разделить их теперь уже стало совершенно невозможно. На почве, подготовленной двадцатью годами властвования, такие понятия, как «отечество», «родина», «патриотизм», не могут поэтому считаться искусственным нововведением. Вводимые поневоле, они прививаются быстро уже потому, что имеют характер необходимой уступки, и быстро теряют характер «новизны». Я не стану по этому поводу спорить с г. Чернавиным и со всеми гг. Солоневичами о нашем «оборончестве». Тут мы, очевидно, не сговоримся. Упомяну только об одной, очень тенденциозной, ибо мало реальной, угрозе: как бы «оборонцам» не пришлось стрелять в своих же — в русских крестьян. Попадут-ли в это положение «оборонцы» или, хотя-бы «возвращенцы», которых, вместо России, большевики предпочитают посылать на расстрел на испанский фронт, я не знаю. Но я наверное знаю, что в необходимости бить по своим же окажутся те русскіе последователи Солоневичей, Бискупских, Семеновых и т. д., которых, под всевозможными знаменами и в сопровождении всевозможных «правительств», пошлют изображать «истинно-русских» людей их заграничные покровители.

V.

Заключительная фаза нашего тезиса — о борьбе до конца и до освобождения России — не вызывает прямых возражений ни от г. Чернавина, ни от Е. Д. Кусковой. Но каждая спорящая сторона договаривает или додумывает этот прогноз или пожелание согласно собственному взгляду на процесс или метод «освобождения». Г. Чернавин разделяет надежды Солоневичей на войну: двадцать тысяч эмигрантов вторгнутся при этом благоприятном случае в пределы России вместе с иностранными войсками, а по ту сторону границы обитатели лагерей и крестьяне возьмут винтовки и низвергнут советскую власть, после чего Солоневичу останется только восстановить монархию, — во что, впрочем, г. Чернавин не верит. Без войны — этой deus ex machina — нашим националистам, очевидно, трудно представить себе при настоящих условиях свержение власти одной силой восставшего населения. Приходится, при отсутствии внешнего толчка, рассчитывать на участие в перевороте одной из сил, уже теперь организованных в России: армии, партийной оппозиции, наконец, дворцового переворота или индивидуального покушения. Но все эти комбинации, прежде всего, устраняют участие в перевороте эмиграции или населения. Сами по себе, они рассчитаны на случайность, устраняемую бдительностью власти. Наконец, они вовсе не дают, по существу, желаемого освобождения, ибо оставляют все по-старому. За исключением всех этих воз-

можностей, не достигающих цели — или бьющих гораздо дальше ее, — остается остановиться на мысли, что истинному освобождению должен предшествовать какой-то процесс внутреннего разложения идеологии и перерождения основанной на ней власти. При разборе этого варианта будет сопровождать нас уже одна Кускова, со своим утверждением, что сам «народ уже силится потушить гражданскую войну», «развертывая свои творческие силы» и «стремясь к мирному строительству жизни». К сожалению, вся остановка, при этом оптимистическом расчете, — за малым: за «неспособностью власти достигнуть примирения с населением».

Вопрос, таким образом, сводится не к тому, можем ли мы или может ли население примириться с властью, а к тому, может ли пойти на примирение власть? Те, кто полагает, что власть на это по самой своей природе неспособна («не может эволюционировать»), должны на этой точке расстаться с Кусковой. Но что, если власть — напр., под давлением военной опасности — окажется на это способна? Ведь сейчас, как раз, идет своего рода торг. Все дело, с этой точки зрения, уже не в принципе, а в пределах возможных с обеих сторон уступок.

Что же может дать Сталин и чего г-жа Кускова от него требует? Пока — Сталин сулит «народу» не много, не мало: «счастливую жизнь». Но эти приятные посулы, хотя и поддержанные целым рядом уступок, на которых останавливаться не буду, весьма далеки от осуществления. «Народу», правда, начинают поклоняться — в пределах кавказских «плясок» и древних богатырских былин, но у современного, настоящего народа — не «знатных», конечно — продолжают отбирать задаром плоды его труда — и не дают взамен ничего равноценного. Нельзя теоретически отрицать, конечно, что, под влиянием хотя бы страха войны, который игнорировать невозможно, Сталин пойдет и дальше. До какой точки? В числе мер предосторожности он может показать, кроме волчьих зубов, также и лисий хвост по адресу народностей, — как показал казакам, — чтобы предупредить те окраинные восстания, на которые так рассчитывают — и помимо Солоневича — разные наши иностранные доброжелатели. Может пойти еще дальше — и снять с народа некоторую часть тяжелого ярма партийных держиморд. Недаром во всеобщем избирательном праве он усматривает средство сдержать злоупотребления партийной бюрократии. По известному анекдоту, это может быть воспринято, как уже почти «веселая» жизнь. Но может-ли он дать то, чего требует для «примирения» с «интеллигенцией», введенной теперь, как особая категория, в пресловутую конституцию, Кускова: политические уступки? Новая конституция, «самая демократическая в мире», как будто их уже содержит — на бумаге. Я по этому поводу вспоминаю одно заявление близких Кусковой пражских «возвращенцев» 1920-х годов. В своем документе эти возвращенцы заявляли, что советский строй и до окончательного перехода к народоправству мог-бы служить «основой для дальнейшей мирной борьбы за полное осуществление демократии» — при условии «свободы избирательной борьбы, распространения избирательных прав на все население, установления гражданских свобод» и «полного уничтожения так наз. диктатуры пролетариата». При исполнении этих условий возвращенцы соглашались на «активное сотрудничество» с советской властью, «как с правительством враждебной партии». Теперь все это требуемое в новой конституции написано. Но возвращенцы, по зрелом размышлении, стали за это время, по признанию Кусковой, «невозвращенцами»... И понятно, почему. Дело в том, что настоящей политической интеллигенции (а «интеллигенция» не может не быть «политической») нужно нечто иное, нежели то, что может успокоить аполитические массы. Хотя бы последние и удовлетворились какой-либо степенью житейских уступок Сталина для осуществления «счастливой жизни», политическая интеллигенция на это пойти не может, ибо она понимает отчетливо связь, действительно, «счастливой» жизни с настоящими политическими уступками. А политических уступок Сталин, оставаясь сам собой, и стремясь исключительно к личному господству, сделать не может. Пределы его «эволюции» тут кончаются, недаром эволюция и по грамматическому смыслу есть лишь «развертывание» того, что уже заключается в семени. Дальнейшие шаги были бы, употребляя выражение, понятное г. Чернавину, как натуралисту, уже не эволюцией, а **«мутацией»**, — переходом к другому типу власти. Такого рода мутацией можно было бы считать нашу февральскую революцию. По марксистской «диалектике» мутация была бы вполне осуществима и для советской системы, но, конечно, не для теперешней власти. По существу же дела, «мутация» необходима и неизбежна. Приходится лишь признать, что для нее, повидимому, время еще не наступило. Критерием его наступления было бы действительное, а не мнимое перерождение власти в целом. Этот исход — в духе социальной физиологии — во всяком случае, очень далек от свержения «шайки бандитов». И не менее далек от того «примирения с властью», которого боится и в котором уже готов нас заподозрить г. Чернавин.

VI.

Я заключу сравнением, повод к которому дает мне ответ Кусковой г. Чернавину. В 1922 г. из России были высланы большевиками 225 интеллигентов, в том числе многие видные политические деятели социалистического направления. Их приезд за-границу сильно оживил тогда наши эмигрантские споры, вызвал оживленный обмен мнений, а затем и сотрудничество, которое привело к определенной формулировке взглядов республиканско - демократических течений, образцы которых я уже приводил выше. Мы чувствовали полную возможность «общего языка» с приезжими; их свидетельства о том, что происходит в России, были продолжением наших собст-

венных наблюдений. С тех пор из России политиков не выпускают, а там расстреливают. Те, кто хочет спастись от советского режима, бегут. Случайно или не случайно, но беженцы из интеллигенции оказываются людьми иного типа. В них чувствуется растущая изоляция от всего окружающего — и вместе с тем сокращение доступного им района непосредственных политических наблюдений. Они все более осуждены жить прошлым и превращаться в т. наз. «внутренних эмигрантов». Из высланных 1922 года таким нам казался, пожалуй, один С. П. Мельгунов. Но насколько его политический кругозор был шире и его политические суждения тоньше, нежели у теперешних беженцев старого интеллигентского типа. Кускова заключает из подобных-же наблюдений, что «вся интеллигентская Россия в политическом смысле сильно деградировала». Я бы выразился иначе. Поскольку эта интеллигенция принадлежит к до-революционным поколениям, она в своем большинстве просто отрезана от текущей жизни и принуждена замкнуться в себе. Это, увы, отрезанный ломоть, — и судьба его не подлежит сомнению. Но уже народилась в России новая интеллигенция — по условиям своего воспитания, куда менее культурная, чем старая. Доступ к серьезной политической литературе для нее чрезвычайно труден, школьная подготовка слаба, знание европейской современности отсутствует, филиация с русскими предшественниками оборвана. Но у нее — охота смертная узнать и научиться тому, что от нее скрывают. И у нее, по необходимости, живая связь с окружающим и открытое поле для общественной деятельности. Нельзя сказать, что эта новая интеллигенция «деградировала»; она, напротив, умственно растет и набирается опыта. Характерно, что беженцы старого типа этих новых не узнают, а обращаются в эмиграции преимущественно к тем, кто представляет тоже старую эмигрантскую традицию начала двадцатых годов. Так и здесь они оказываются, в конце концов, отрезанными ломтями... Немудрено, что друг друга они понимают лучше, чем нас.

Меня могут спросить: зачем-же, при такой безнадежности, я веду с одним из них такую продолжительную беседу? Должен признаться, что предназначается она вовсе не для одного г. Чернавина. Его полемике я обязан тем, что она дала мне возможность восстановить правильную перспективу и истинный характер того политического направления, с которым, по ошибке, г. Чернавин считал себя одно время единомышленным. Незнание — или забвение — даже вчерашнего прошлого и, в результате, дилеттантские опыты политической отсебятины — удел довольно большого круга, в особенности т. наз. эмигрантской молодежи. Ей не мешает лишний раз вспомнить — или узнать, — как связан этот наш вчерашний опыт с определенной оценкой завтрашнего дня. Полезно и разобраться в аргументации, пред'являемой другими оценками. Несомненная заслуга г. Чернавина в том, что, не в пример Солоневичу, он, действительно, «копнул глубже» и затронул серьезные темы. Не его вина, что он не сумел с ними справиться.

П. Милюков.

ДЕМОКРАТИЯ — ЭТО АПОФЕОЗ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Э. Бенеш.

Н. НИКОЛАЕВ

Русская эмиграция в Нью-Иорке

(Письмо из Нью-Иорка)

«Старая» и «Новая» колония. Их взаимоотношения и политические деления.

Русская колония С. Ш. С. А., обосновавшаяся, по преимуществу, в Нью-Иорке и в ближайших к нему городах штатов Нью-Джерзи, Коннектикута и Пенсильвании, как по своему составу, так и по причинам ее образования, резко отличается от русской эмиграции Европы. В то время, когда последняя, в массе своей едина, появилась в различных центрах Западной Европы одновременно, по одному и тому же политическому основанию, а именно: в результате крушения «белого движения» и захвата России большевиками, наша колония здесь, резко делится на две неравные и во многом отличающиеся друг от друга части, — колонии «новая» и «старая».

Первая, именуемая «интеллигентской», а также по месту своего расселения в верхней части Нью-Иорка — «ап-таунской», обосновалась здесь в 1923 г. с момента прибытия в Нью-Иорк из Константинополя, нескольких тысяч человек, участников бывшей, эвакуировавшейся из Крыма, армии ген. Врангеля. Вторая — «даун-таунская», «народная», попала в Америку несколькими десятилетиями ранее, по основаниям не политическим, а экономическим. Она превосходит первую во много десятков раз своею численностью и представляет собою сплошь бывшее русское крестьянство западных губерний, превратившееся в Нью-Иорском «котле» в рабочих заводов и «шапов», по преимуществу одежной, меховой и иных индустрий. Значительная часть наших земляков работает также в шахтах и на заводах Детройта и Питсбурга, немногие, сравнительно, сели на землю и удержались на своих «фармах».

Являясь плотью от плоти русского крестьянства, последнее, и здесь за океаном, преобразившись в своей внешности, сохранило все особенности своей старой, знакомой нам еще в России, психологии со всеми ее положительными и отрицательными сторонами. Сюда относится и недоверчивое, а подчас враждебное отношение к той самой новоприбывшей интеллигенции, к услугам которой, за отсутствием своей собственной, еще только начинающей

выходить на арену общественной работы, — в лице рожденного и выросшего здесь молодого поколения, — поневоле приходится обращаться.

Увлекшись, а затем горько разочаровавшись, благодаря непосредственным сношениям со «старым краем», в большевизме, и не найдя пока новых путей, осторожная «старая колония» в настоящее время представляет собой, за исключением небольшой, организованной в общества взаимопомощи ее части (РООВА, РНОВА и др.), то подлинное беспартийное русское море, из которого пытаются черпать своих сторонников, все политические, интеллигентские группировки «новой колонии» всех цветов и оттенков с фашистами и коммунистами на флангах и с демократами, примыкающими к РДО, и умеренными социалистами, об'единившимися год назад в «Общественном Комитете», — в центре.

Названному Комитету, как это обыкновенно бывает с занимающими центральное положение организациями, приходится и «нападать и отражать атаки» (прошу прощения за эту современную, военную терминологию) и с правого и с левого фланга, а потому, хотя ближайшей моей задачей является посильное освещение деятельности центральной группы, я позволю себе для выяснения нашей и наших друзей позиции, сказать несколько слов и о наших заклятых врагах, находящихся на крайних флангах. Начну с правого, причем в видах экономии места буду очень краток, ограничиваясь документальными справками и представляя делать их оценку и выводы самому читателю.

Извлекаю из «архивного» материала отчет бывшего «оффициоза» «Национального Об'единения», редактировавшейся небезызвестным г. Каринским «Русской Газеты», от 31 июля 1932 г., об избрании существующего и поныне под председательством Б. Бразоля так называемого «Центрального Комитета». Дословно привожу наиболее характерные выдержки: «Инициативная группа русских людей возымела идею об'единить все национальные организации в одно целое, координировать их действия и тем подвинуть активность русской колонии вперед». Со стороны крестьян старой колонии идут призывы к об'единению, без которого русское дело в Нью-Иорке обречено на полную «гибель», ибо «наступила уже необходимость установления твердой власти, по которой давно тоскует руская колония» !? Г. Бразоль, предлагает собранию **«идею дкитатуры трех лиц»**, ибо только **«полная и абсолютная власть может оказать реальные результаты»**. На следующем собрании под председательством тогоже г-на Каринского, избирается Центральный Комитет из пяти лиц: Председателя Б. Л. Бразоля, секретаря кн. П. А. Чавчавадзе, и членов: проф. И. В. Емельянова, прот. А. Кукулевского и И. И. Сикорского.

31 июля 1932 г., «оффициоз» сообщает о столь радостном событии ошеломленной и ничего ранее, в подавляющей своей массе, не подозревавшей колонии, — с негодованием и недоумением узнавшей также и о том, что пятичленный состав «директории», в скором времени предполагается заменить трехчленным, а затем, «если идея будет поддержана» — всю полноту власти передать в испытанные руки «диктатора».

Но, как говорится, «страшен сон, да милостив Бог»... «Директория», о рождении которой было торжественно об'явлено «всем национально мыслящим» особым манифестом, скоро стала меняться в своем составе, а затем, после ряда достаточно скандальных выступлений, зачахла и в последнее время вообще не проявляла никакой деятельности. Стороной слышно, что фактически она совсем распалась, но, так это или нет, покажет наступающий в октябре политический сезон. Пока же, заканчивая обзор правого крыла нашей «общественности», позволю себе только наименовать, в хронологическом порядке, несколько из наиболее громких ее выступлений, сохранившихся в моей памяти.

Первое, совершенно несправедливое, клеветническое по существу и неприличное по форме, густо окрашенное к тому же откровенным антисемитизмом, выступление против единственной в Нью-Иорке русской, прогрессивной и беспартийной газеты «Новое Русское Слово», в день ее 25-летнего юбилея.

Далее, неудавшаяся попытка сорвать многолюдный митинг «протеста против бессудных казней в СССР», устроенный в Нью - Иорке «Общественным Комитетом», а также ряд более мелких, злобных выпадов наших черносотенцев против названного Комитета (о котором будет речь впереди), явившегося в результате сговора демократических и умеренно - социалистических кругов нашей Колонии.

Затем, — «Всенародное Собрание», устроенное правыми, на предмет «утверждения церковного мира» в русской колонии, раздираемой борьбой представителей различных церковных «юрисдикций», — закончившееся руганью и кулачной расправой с представителем одной из таковых, оказавшимся в оппозиции большинству Собрания.

И, наконец, попытка тех же крайне - монархических кругов, возглавленных г. Бразолем, захватить всецело в свои руки, путем тайного и одностороннего подбора членов, все дело чествования предстоящего юбилея А. Пушкина, и продолжающаяся и теперь борьба с беспартийным, «Общерусским Пушкинским Об'единнием», основанным на гласном и свободном соглашении организаций и лиц, возглавляемым проф. А. И. Петрункевичем, графиней А. Л. Толстой, представителями самой крупной народной организации взаимопомощи «РООВА», тоже беспартиным, культурно - просветительным О-вом, Друзей Русской Культуры и мн. другими.

Всего этого я позволю себе подробнее коснуться, в своей следующей корреспонденции.

Н. Николаев.

Обзор жизни республиканско-демократической эмиграции

РДО В ПАРИЖЕ.

Доклады и собрания:

9 мая 1936 года — Общее собрание членов РДО.
26 мая — Докладъ **А. А. Александрова** — «Бельгийский опыт».
2 июня — Доклад **А. С. Михельсона-Александрова** — «ВКП и проект новой конституции».
6 июня — Доклад **К. И. Аристова** в Бельфоре — «10 лет политической работы РДО».
7 июня — Доклад **К. И. Аристова** в Сошо — «Сов. Россия перед лицом внешней опасности».
9 июня — Доклад **В. Н. Сперанского** — «Судьба монархии».
16 июня — Доклад **Е. И. Унбегаун** — «Изменения в комсомоле».
23 июня — Доклад **В. В. Попова** — «Сов. прокуратура и адвокатура».
7 июля — Собеседование о внутреннем положении в СССР, с вступ. словом **К. И. Аристова.**
17 июля — Доклад **А. М. Кулишера** — «Политика Народного Фронта».
29 сентября — Доклад **В. В. Попова** — «Положение рабочих и служащих в СССР».
13 октября — Доклад **А. М. Кулишера** — «Политическое положеніе в СССР».
27 октября — Собеседование о политическом положении в СССР, с вступ. словом **А. А. Александрова.**
13 ноября — Продолжение собеседования с заключительным резюме **П. Н. Милюкова.**
1 декабря — Доклад **А. П. Маркова** — «Сельское хозяйство к концу второй пятилетки».
7 декабря — Доклад **А. П. Маркова** — «Промышленность к концу второй пятилетки».
22 декабря — Доклад **С. Г. Савельева** — «Рузвельт и задание истории».

10 - ЛЕТИЕ БЕЛЬФОРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РДО.

6 июня Бельфорское отделение РДО праздновало десятилетие своего существования. Начав свою деятельность среди враждебного равнодушия со стороны местной русской колонии, Бельфорское отделение, благодаря дружной работе своих членов и энергии руководителей, преодолело большие трудности и завоевало всеобщее уважение.

На устроенном публичном собрании приехавший из Парижа тов. председателя РДО К. И. Аристов выступил с докладом на тему: «10 лет работы РДО».

После доклада состоялся товарищеский обед, за которым члены РДО, в дружеской обстановке, вспоминали важнейшие моменты своей деятельности.

На другой день в Сошо, перед многочисленной аудиторией К. И. Аристов сделал доклад на тему: «Сов. Россия перед лицом внешней опасности».

В прениях выступил председатель местной грузинской колонии, который, резко осудив оборонческую позицию левой эмиграции, рекомендовал России «замкнуться в своих естественных пределах, на пространстве Великороссии».

Оппонент получил заслуженную отповедь от докладчика, поддержанного секретарем Б. О. А. А. Дмитриевым.

По техническим причинам редакция вынуждена поместить в следующем номере интересную статью А. Н. ЛАЗАРЕНКО — «Федерации и автономии в конституциях XX в.»

КОНЧИНА П. В. ПОЖАРСКОГО

26 октября с. г. в русском госпитале в Вильжюифе скончался после тяжкой болезни член РДО **Павел Васильевич ПОЖАРСКИЙ.**

Покойный, будучи тяжело - увечным инвалидом и отдавая главные силы делу помощи своим товарищам-инвалидам, был деятельным членом РДО и живо интересовался политической работой об'единения.

Отзывчивый, всегда бодрый и жизнерадостный, П. В. пользовался общей любовью своих сочленов, среди которых он оставил наилучшие воспоминания, как прекрасный человек, чуткий товарищ и верный единомышленник.

Тактические тезисы

Извлечение из тезисов РДО, принятых общим собранием 18 марта 1926 года

Тягостное ощущение бесдеятельности создало в эмиграции, с одной стороны, стремление вернуться к старым методам белой борьбы и к об'единению всей эмиграции на отрицательной задаче — свержения советской власти, с другой стороны готовность ликвидировать революционное отношение к советской власти и вернуться в Россию, хотя бы ценою капитуляции перед нею.

Относясь с решительным осуждением, как к тому, так и к другому из этих течений, РДО считает необходимым подтвердить свою основную идейную позицию и установить следующие тактические положения, обязательные для его членов.

1. Сохранение пафоса неприятия советской власти и борьбы с ней, а, следовательно, и революционное к ней отношение и отрицание всякого рода примиренчества.

2. Преодоление духовного отрыва от России и стремление войти в духовное общение с внутри-русской демократией.

Это положение предполагает:

1) Признание положительного значения за общим смыслом происходящих внутри - русских процессов, ведущих к освобождению России от советской власти силами самого населения.

2) Внимательное изучение этих процессов, со всеми произведенными изменениями — социальными, бытовыми, психологическими.

3) Согласование тактики эмиграции с тактикой населения, борющегося с советской властью методами как революционными, так и мирными, которые оказываются наиболее целесообразными при внутрирусской обстановке борьбы.

4) Признание того, что борьба с советской властью не должна переходить в борьбу против национальных интересов России.

5) Основную цель своего существования в дальнейшем РДО видит в непосредственном участии в борьбе против сов. власти в России.

Деятельность РДО и его отдельных членов (как-то: подготовка кадров, введение дисциплины, изучение сегодняшней России и проч.) должна быть направлена к деятельному приготовлению себя к этого рода участию.

БИБЛИОТЕКА - ЧИТАЛЬНЯ РДО
открыта по субб. и вторн. от 8.30 ч. до 11 ч. в.
78, rue Lourmel Métro Beaugrenelle

Заказную корреспонденцию по делам РДО и журнала «Наше Слово» просим адресовать Секретарю РДО **А. А. Александрову**
253, rue Lecourbe, Paris (15)

Денежную корреспонденцию и членские взносы Казначею РДО **В. В. Попову**
35, rue Jacob, Paris (6)

ПРОДАЖА «НАШЕГО СЛОВА»

в Париже: в Библиотеке РДО, редакции «Последних Новостей» и у ген. представителя изданий РДО — в кн. магазине «Дом Книги» **9, rue de l'Eperon - Paris (6)**

в Варшаве: у А. П. Вельмина, **Warszawa. Marszalkowska 68 m. 4**

в Праге: у Д. И. Мейснера, **Praha. Dejvice, Podbabska tr. c. p. 1598 «Vlastni Dilo» byt. 27.**

в Харбине: в кн. магазине «Русь» М. Зайцева, Конная ул. 34.

в Нью-Иорке: у Н. Николаева — **1067 — Park Av.**

Le Gérant: V. Kosmentzoff Impr. d'Art, 77, r. Mouton-Duvernet, Suf. 28-74

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ №№ «НАШЕГО СЛОВА»:

Le Gérant: V. Kosmentzoff Impr. d'Art, 77, r. Mouton-Duvernet, Suf. 28-74